Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

„Звезда“

Литературное приложение
к газете „ЗВЕЗДА“
под редакцией М. Кривицкого.

№ 4—5. МИНСК, 12 апреля 1923 г. № 4—5.

В. Маяковский.

Ленин.

Тенью истемня весенний день
    выклеен правительственный бюллетень.
        Нет!
        Не надо!
Разве молнии велишь:
                    —не литься!
        Нет!
            не оковать язык грозы.
Вечно будет
        тысячестраницый
грохотать
        набатный
            ленинский язык.
Разве гром бывает немотою болен?
Разве сдержишь смерчь,
                    чтоб вихрем не кипел?
Нет!
    не ослабеет Ленинская воля—
В миллионосильной воле Р. К. П.
Разве жар
        такой
            термометрами меряется?!
Разве пульс
        такой
            секундами гудит?!
Вечно будет Ленинское сердце
    клокотать
        у революции в груди.
    Нет!
    Нет!
    Не-е-т!
    Не хотим!
        не верим в белый бюллетень!
С глаз весенних сгинь, навязчивая тень.

Михаил Волков.

ОСАДА.

Анисья сызмала по господам в прислугах живет.

Она хорошо, даже очень хорошо знает, что комнаты—господам, прислуге—кухня.

Удивляется Анисья, как только господа живут в комнатах: ни пройти, ни повернуться—непременно за стул или за какую иную вещь заденешь. А вещи то все такие хрупкие: попыталась она какого то аннелочка—с крылышками и стрелой в ручках—посмотреть, только в руки взяла—у него крылышко и крак.

Барыня как взбесилась, господи твоя воля!.. чисто взбеленилась.

— Ты, говорит, своей лапой саксонский фарфор разбила...

Пилила, пилила, диви-бы за дело, а то, тьфу!.. из-за такой пустяшной штучки... На вербном базаре куда красивее, цветистее этой по двугривенному продают.

С той поры Анисью в комнаты заглянуть—давай хоть горы золота—не заманишь.

В кухне она дома и дома: у стены—койка с разноцветным одеялом, около—сундучек с имуществом, а в углу и родительское благословенье—матушка - троеручица.

Только когда спать ложиться станет, взглянет на икону—почует, что и она, Анисья Морковкина, в некотором роде человек есть. Днем уж не до себя: раскраснеется у плиты, как красномедный самовар, да слушает го-

вор кастрюль, а они говорят: «ой перепрело, ой пригорело, ой пересолело»...

А тут еще Наташа—горничная прилетит.

— Обед скорее барыня приказывали...

— Ладно... в свое время будет.

Не любит она, прости господи, этих вертихвосток, им бы только в комнатах господам наушничать, а в кухне—и губы корытцом:

— Фи-и, какая ужасная жара здесь...

И хвостом—фью-фью—упорхнула.

Барыня в кухню заглядывает редко, если и зайдет—радости мало:

— Почему, Анисья, к соусу не приготовила то-то и то-то.

Это еще терпимо, а то:

— Сегодня у тебя суп совершенно бесвкусен...

Анисья и руками разведет:

— Да как же, барыня, я... я...

Обидно—она-ль не старается: днем и ночью думушка одна, как бы господам угодить... и все служба не в службу...

— Бог с вами, барыня...

И зальется слезами в передник.

Так и скоротала бы свой век Анисья: ни себя, ни людей на пользу, да случилась с ней такая оказия.

* * *

Как-то корпела Анисья у плиты—слышит: за окном шум, гам. Она к окну: на улице народу—видимо-невидимо, словно льду в ледоход—прет и прет; над головами флаги краснотой колыхают; от пенья стекла дребезжат:

...твоим потом жиреют обжо-оры,
твой последний кусок они рвут...

Недоумевает Анисья: чтой-то за праздник, да и песня такая... что ни в деревне ни вгороде не слыхивала.

В кухню запыхалась Паша—из восьмого номера, и затараторила:

— Анисьюшка, революция пришла!

Анисья скорее за сундучек.

— Батюшки, неушто опять немцев бить станут..

Паша хохотать.

— Чего ты раскатилась... ступай, знай, и сама добро прибирай скорее... Вон когда немцев громили... у меня блузку не надеванную стянули... так-таки и стянули.

Паша за животики:

— Дура ты, дура, небось—революция против господ.

Анисья опешила—на сундучек присела.

— То-ись как-же, господ колошматить станут?

— Не колошматить, чтоб свобода, равенство были всем.

В кухню заглянула Фрося—инженерова.

— Вы чего разгалделись... нешто не слыхали: все на улицу...

Анисья замялась:

— Барыня не позволит...

— Барыня... барыня... все бы тебе барыня...

Вышла Анисья к воротам. На улице—праздник: на кого ни глянь—лица нет, один только улыбающийся рот. Да долго Анисье разглядывать не приходится—стоит, а на сердце кошка скребет: вдруг барыня, спаси бог, грешным делом, в кухню зайдет, а ее нет—поедом с'ест.

Застучала каблуками опять на кухню: этак спокойнее, а там и без нас дело сделается.

* * *

Дни пошли какие то несуразные: поставит Анисья в духовку что либо из печева—тут глаза, да глаз нужен—не зевай, когда зарумянится, чуть проморгаешь—корка и обуглилась.

А тут на собранье прислуг в доме кличут—бросай все и беги,—не пойди—стращают из прислуг исключить.

А на собрании что? диви-бы путное чего говорили, говорят—и слушать не хочется: все против господ, против господ... Не дай бог, услышат господа—не миновать расчета.

Сидит Анисья—носом клюет, не заметит, как и заснула, пока не растолкают подписаться под резолюцией:

...Чтобы барыня называла: «вы»...

...Чтобы барыня помогала в кухне...

...Чтобы прислуге кушать с господами...

...Чтобы прислуге пользоваться гостинной...

...Чтобы прислуге ходить парадным...

Моргает Анисья глазами—не то спит, не то бодрствует: слыханное ли дело, чтобы прислуга с господами кушала...

— Так-таки, с господами?

— Да, с господами... Нешто мы не такие же люди...

— Как же сравнить, они—господа...

Покачала, покачала Анисья головой, ну и ну... и чтобы люди не осуждали, поставила по безграмотству крестик. Дали ей бумажку: вручи, мол, барыне.

— Что же, передам...

Пришла Анисья в кухню, скорей в духовку, да так и ахнула: вместо печенья—угольки. В слезы.

* * *

Барыня зашла в кухню и, даже, по обыкновению, не поморщилась, а таково ласково:

Ты, Анисья, теперь стала свободной гражданкой.

— Так и свободной.

— Да, Анисья, наконец-то мы избавились от векового гнета и осуществились наши мечты: о свободе, равенстве, братстве...

— Что вы, барыня... А вот, барыня, на собраньи дали бумажку вам передать...

— Что за собранье? Что такое? Гм... Требования? Да ты в уме, Анисья, пред'являть подобные требования... Господа с детства к разным манерам воспитываются, приобретают лоск... Пойми, ты же чучелом будешь... А это уже верх наглости!.. что бы барыня помогала прислуге в кухне.. Уничтожить грани между классами—фантазия большевиков... Разделение труда всегда было и будет...

— Что вы, барыня... Я же ничего не требую...

— Как не требуешь!! А это что?... Впрочем... если не хочешь служить... можешь получить расчет...

— Сколько годов у вас жила... провинности не было... другие-то прислуги... а я, скажи, грошем медным не попользовалась, а вы скорее ращет... Грех, вам, барыня, будет... грех!...

— Оставайся, только чтобы впредь подобных глупостей не было... Понимаешь!...

* * *

Дело—из рук вон—Анисье—горе: вместо масла приходится жарить на рыбьем жиру, о разной приправе и говорить не приходится: то—того нет, то—другого. Вот и приготовь вкусно. А все из-за революции. Прежде в любой лавке—что твоей душеньке угодно... А если уж так—бог с ней и со свободой-то, этой самой.

Барыня говорит: большевики во всем виноваты—они ногу революции подставляют: голодом хотят народ в коммуне зака-балить.

Уж такое зло, такое зло у Анисьи на большевиков:

— Попадись где большевик на глаза... да я бы его шумовкой... шумовкой по бесстыжим бельмам...

Барыня смеется:

— Подожди, и без тебя с ними расправятся.

* * *

Господа не стерпели—с большевиками схватились. Целый день-деньской от пальбы только гуд идет. Кастрюли по плите так и ерзают. На улицу и нос не кажи—враз под пулю угодишь.

В парадном иногда раздается звонок: разведка юнкеров—ищут большевиков.

Барыня улыбается, делает глазки. Юнкера—под-козырек.

— Мы уверены, что у вас большевиков нет.

— Будьте покойны... в случае... я не замедлю сообщить вам...

Юнкера извиняются за беспокойство, снова под-козырек и уходят. Некоторые из них, знакомые—прикладываются к ручке, просят разрешения закурить. Тех приглашают в гостиную. Разговаривают.

Анисья слышит: дело большевиков совсем пропащее, скоро от этой заразы очистят революцию... если кого в бою не пристрелят, после расстреляют.

* * *

Однажды с Анисьей такой грех случился: топила плиту, а в коробку воды налить и позабыла. Господа от'ужинали—надо бы посуду мыть, да теплой воды нет. Оставить посуду грязной до другого дня—барыня непорядки не любит. Волей-неволей пришлось снова топить плиту, греть воду. Досадно ей—на ком же досаду сорвать, как не на дровах, так и порскает в топку поленьями, инда звон от плиты идет.

Дрова, словно на зло, не горят.

Почуяла, будто дверь с черного хода отворилась. Повернула голову—так и обомлела: в кухню вошли трое солдат: на рот рукой указывают: молчать!

Куда кричать—со страху и голоса лишилась: большевики.

— Ты не бойся, мы на минуту... погреемся и уйдем,—сказал один:—Товарищ Лазарев, наблюдай за ней: шума не наделала бы.

— Слушаю.

Двое сели к столу—что-то на бумажке стали чертить; один подсел к ней у плиты.

От стола в шопоте Анисья различает:

—...я уверяю вас, товарищ Гончаров, юнкера непременно попытаются прорваться у Никитских ворот... Необходимо в указанных мною пунктах выставить заставы...

— Все это хорошо, но... где мы возьмем столько товарищей... Резерв пущен в дело... Дозоры посланы?... Посты раставлены?

— Все исполнено.

— Что, тетка, испугалась?

— Напугаешься, коли вошли, словно грабители какие... Сама виновата—опростоволосилась—дверь не заперла... Увидь барыня, и—и, что бы было... заела бы...

— Ничего, скоро, пожалуй, подавится... Вот только юнкеров разобьем: ... Ты какой губернии?

— Мы то, Калуцкие... Жиздринского уезда...

— Вот как... Оказывается, землячка... Какой деревни?

— Моргачей.

— А я из Пяткина... В Моргачах хороводы, бывало, важивали...

— Ты небось про Афанасья Морковкина слыхал... Он мой брат... как живет то?

— Афанасья Морковкина, как не знать... Беднее его во всей волости нет,.. А парень старатель, бьется, ровно рыба об лед, и все не-задача... Одна беда наша: земли у нас мало, куда ни кинь всюду господская и господская... Больше из-за земли и войну с господами затеяли...

— Вот оно што... А барыня: сказывала озорничаете...

— Ты слушай барыню... она свою линию гнет... Мы верно хотим их малость прижать, чтоб не так вкусно ели да пили, да и работали бы своими, а не чужими руками... видишь ли...

Вдруг на черной лестнице затопотали, в парадном вскрикнул звонок. За столом вскочили.

— Товарищи, попали в ловушку... Отбиваемся...

В момент—крючек на черную дверь, поворот ключа у двери в корридор.

— Пойди, стань в угол... Стрельба будет...

А в парадном:

— Мы извиняемся, сударыня, но... мы имеем точные сведения, что в вашей квартире укрылся видный большевик...

— У меня?... Большевики?... Уверяю вас, что это неправда!...

— Мы вполне верим вам, но... все-таки разрешите осмотреть квартиру.

Недовольный голос барыни:

— Пожалуйста!... Пожалуйста!...

В дверь кухни стук.

— Отворите!... Стрелять будем!...

— Умоляю... ради бога, не стреляйте... детей перепугаете... В кухне прислуга спит... Анисья отопри...

— Хорошо, хорошо, сударыня... Мы их без стрельбы, как кроликов за уши вытащим... (Смех). Юнкер Заболотный, нажмите на дверь.

Дверь хряснула.

— ...Товарищи, держите двери...

— Сдавайтесь!...

Звякнуло стекло, в окне: фуражка, усы, просунулась рука, шарит на раме задвижку.

— Товарищ Лазарев, скорее к окну... к окну!...

— Нельзя, товарищ Гончаров, дверь едва держится...

Шипит плита, клокочет вода в коробке. На раме чмокнула задвижка.

Как это случилось, Анисья и сама не знает, только помнит уж—больно сердце закипело: нацедила ковшик кипятку, да в рожу в окне—плеск.

Мягко шлепнулось о мостовую тело, острый крик, тупая брань.

...— Ай да, землячка, поливай их...

Плеснула еще ковшик, еще и еще.

— Господи, чего мы на них смотрим... Стреляй в окно!...

В рассыпную брызнули выстрелы... Град штукарки с потолка. Три пули—из окна, без счета—в окно.

Но это что: выстрелы заглушились выстрелами. Барабанная дробь об мостовую убегающих ног. Двери—без напора. За дверью—знакомые голоса.

Открыли.

— Ба... товарищ Гончаров... Это вас юнкера осаждали?

— Да, товарищи, пришлось таки осаду выдержать. И не будь у нас артиллерии, вряд ли выдержали бы.

— Где же у вас артиллерия?

— А вот артиллерия, с ковшом стоит... Как она их кипятком...

— Ха-ха-ха!...

Анисья передником накрылась.

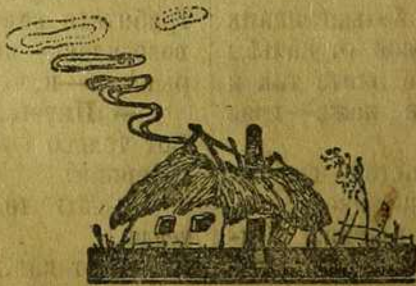
— Насмешники вы...

— Нет, товарищ Анисья, спасибо тебе, помогла революции... Такова классовая борьба, хочешь не хочешь, а втянет... Спасибо!

Анисье совестно, а товарищи руку жмут.

— А мы, товарищ Гончаров, можем вас порадовать... Юнкера у Никитских ворот выбиты...

— Неужели?... Ура!...

Анна Гольдберг.

Весеннее.

Уже неделю ветер гложет снег,
Несет живую рябь по лужам
И, в переулках замедляя бег,
На площадях пыль водяную кружит.
В такие дни опять всплывает
И мучит сладостная горесть
О том, что было ясным маем
В полузабытом мило бывшем...
А наверху приникло к крышам
Тяжелой грудью каменное небо...
Опять! Опять я завожу ненужную волынку,
На ней играю маленькую повесть
О маленькой любви и невозвратных днях!
Кому нужны и кто поверит слепо,
Что истина—неясных чувств соринки,
И что слова мои,—не пожелтевший прах.
Никто. И мне самой уж завтра
Смешным покажется сегодняшнее горе,
И, слушая меня, людское море
Не обратит ко мне сердец и глаз...
О, я вдыхаю ветер марта
Поющий о полях торжественный рассказ,
И жизни слушаю тяжелые шаги.
И даже на могильной пыли
Я вижу след ее ноги...
Я расскажу иные были.
Я столько расскажу их о тебе, Земля,
Впитавшая лицом разливы крови,
Я пропою о тех, кто на зеленой нови
Посеял алые цветы своих сердец.
Я знаю, что поймут поля
И города, и выси гор, и море.
Когда для них слова повторят
И свяжут цепь дневных колец,
Прожегших мир и тех, что незаметны;
Я знаю, что сердцам несметным
Родными будут все слова
О том, что пережито было,
И что, как вешняя трава,
Грядет с весною жизни в мир,
Что струны рвет у ветхих лир...
— Я расскажу об этом были.

А. Гольдберг.

Базарный ДЕНЬ.

I.

С раннего утра потянулись по тракту деревенские возы. У въезда в город патруль обыскивал каждую подводу, почти всех пропускал и некоторых направлял в отделение милиции за недозволенное количество продуктов.

Немощеная площадь постепенно наполнялась людом. Крестьяне, уж почти покончив со страдой, приезжали в городе менять лишние продукты на все, что можно найти в городе, кроме денег. Покупатели приносили мануфактуру, соль, вещи домашнего обихода и меняли их на скудные порции муки и картофеля. Посреди площади ждала старая Беккеровская рояль.

Обветренные лица баб жадно склонялись над пестрыми тряпками. Барыни в стоптанных башмаках расхваливали качества своего товара...

В этом году особенно уродились вишни. На каждом возу стояли дежи или лохани, наполненные ими. Все рты были черны от вишенного сока, пятна его виднелись на светлых платьях женщин, мальчишки запускали руки в чужие корзинки и состязались в искусстве попадать в цель, выплевывая косточки.

Ветренный день был полон золотистой пылью, оседавшей на зубах. На крыше почтовой конторы громко хлопал оторванный лист железа, и этот звук гармонически вторил базарному гомону и выкрикам продавцев кваса и семечек.

Молодой хромой парень, кудрявый, как береза, в рваной шинели внакидку, остано-

вился перед хозяйским возом, улыбнулся всем курносым лицом и выкрикнул:

—Дядя Иван! А, дядя Иван! Здорово! Али не признал?

Пожилой мужик, похожий на пень, обросший грибами, подозрительно остановил острый игольчатый взгляд на веселом лице парня и молчал. Наконец тяжелые его усы приподнялись (это означало улыбку) и густой бас прогудел:

—Да неужто Семка? Здорово! Вот мать обрадуется! Манька, зови Федора. вон стоит, жив-а!

Через минуту подошел маленький, седенький старичек, хитренький, лысенький, с голубыми слезящимися глазками, совсем печеное яблочко, и засыпал быстрыми словами:

—Ах ты, господи боже ж мой! Будь здоров, будь здоров! Ну, каково? Когда приехал? Откудова? А мать-то, мать-то, обрадуется! Ведь панихиду служили, живым видеть не чаяли. А ты, милуша, ничего, молодцом, жив—здоров! Ах ты, радости нечаянные! Ну а теперь уж совсем приехал?

—Да вот, на побывку. Контужен. А приехал вчера, да вот пешком-то до дому не дойду—ноги болят. Хочу просить, чтоб подвезли. Довезишь, дядя Иван, а?

—Ну уж, ладно, довезу. Только попозднєй поедем—вишни еще не продал. Навезли чортову пропасть.

На возу Манька, краснощекая и потная, накладывала расторопно горстями в гарнец вишни. Кисти ее рук стали лиловыми и алые струйки сока стекали до голых круглых локтей.

Семка пододвинулся к ней:

—Ишь ты, ядренная какая! Выросла!

Она показала чуть синие от вишен зубы:

—Тсс... Тятька услышит. Не любит он... Ну, кто покупает, кто покупает? Вишни, дешево, дешево, последние!—закричала она пронзительно и весело.

Через час подвода тарахтела по пыльному тракту. Другие возы перегоняли или оставались позади. Хотелось говорить, но от тряски слова выходили зигзагами и прикусывался язык. На проселочной Иван передал вожжи Маньке и, пересев поближе к Семену, спросил:

—Ну, как жил-то?

—Да вот, ничего. Только что контужен. Да вот и контужен то за себя да за своих, когда дрался, а не за какого там либо чорта. А так весело: Просветительно сейчас:—спектакли—аманципация.

—Иш ты, мудрено как! А хлеба, небось, немного видали? А у нас тут не того. Какая уж тут жисть—перловая прямо. Ни тебе стать, ни сесть: сколько земли, да сколько коров, да сколько куриц-то, да сколько они яиц несут. Тьфу, пропасть! А чуть больше, чем следовать, так сейчас: «отдавай» и никаких двадцать... Тоже жисть... Маята одна...

Федор сочувственно вздыхал, а Семен не слушал и смотрел на широкую спину Маньки.

Дорога казалась незнакомой: леса вырубили. Только когда блеснула на невысоком уж солнце сажалка, екнуло сердце и показалось, что сытый конь бежит недостаточно быстро.

Наконец, нетерпеливо простучали подковы по мосткам через глубокую, все ту же, сухую канаву с крапивой высокой и лопухами, как блюда и неширокая песочная улица улыбнулась поломанным плетнем, избами и цветничками с желтой целебной ромашкой.

У колодца бабы, подоткнув нарядные, ради воскресенья, юбки, брали воду и судачили так, что слышно их было по всей деревне

В луже подле колодца лежала большая черная свинья.

Иван взял вожжи у Маньки:

—Ну, прокачу я тебя гоголем до самой хаты.

Из окон высунулись головы старух, ребятишки повысыпали вместе с собаками из дворов и огласили деревню свистом и лаем. Клубы пыли поднимались, казалось, к самому небу.

У избы с большой заплатой из новой соломы на крыше, телега остановилась. Семен увидел старое лицо матери в окошке и русую голову сестры. Пока он слезал, мать успела очутиться на улице, и голосила пронзительно:

—Дождали-и мои глазыньки-и! Уж не чаяла, сыночек родненьки-ий! Уж думала—в сыру землю сы-ыночка закопали-и! Уж слезы очи выели-и!..

—Ну, мать, хватит, не люблю. Здравствуй!

Она утерла нос и глаза передником, и продолжала причитать тихонько, для собственного удовольствия.

—Ну, Семка, мы домой. Повечеряешь—приходи. Может, скажу что.

В избе стало вдруг скучно. Закопчено, душно, мухи...

—Ну, вот, мать, замаялся я, завтра уж все расскажу, а теперь дай чего поесть, да я спать завалюсь.

—Сейчас, сейчас, касатик. Вера, а Вера, подай брату блинов то. Сама и поела нажрешься, у ненасытная твоя утроба!

VI.

Когда Семен вышел из сеновала, уже темнело. Слышно было, как в хлеве доили корову: тонкая струя звенела о жесть ведра. Знакомо пахло свежим навозом и парным молоком.

Запад был красный, ветренный...

Семен нашел под навесом ведро воды, напился из него, прислонившись спиной к стене, и остатком воды окатил свою разгоряченную сном голову.

В избе было тихо и почти темно. Мухи густо жужжали у потолка. Он нашел полотенце, вытер лицо и голову и посмотрел сквозь засиженное стекло. Оттуда глядела уже серая улица и слышался смех.

До дяди Ивана было недалеко. В темных сенях Семен лицом к лицу столкнулся с Манькой. Почувствовал, что это она и больно ущипнул ее за грудь. Она взвизгнула пронзительно, сильно толкнула его и, задыхаясь от смеха, сказала шопотом:

—Приходи посля к сажалке, —Засмеялась громко и хлопнула дверью.

В чистой половине уже были гости. Горела висячая лампа и на окнах светлели аккуратные занавески. На столе белая скатерть и самовар, вокруг стола разнокалиберные мягкие стуляя. Целый иконостас в переднем углу ухмылялся цветными ликами святых.

—Мое почтень-с.

—Здравствуй!—все по очереди жали руку Семена деревянными, корявыми руками и снова чинно усаживались на скамье у стены.

—Ты чего это? На икону даже не поглядишь? Так то где нибудь лоб то забудешь, не перекрестивши.

—Да отвык я. Бог с ними с богами-то. Все одно: крестись, не крестись, а как беда, так сам себе помогай. А тетка где?

—По хозяйству. А ты не тово... Ну, да ладно, присаживайся.

Дверь впустила еще нескольких мужиков. Они долго крестились, сморкались. потом степенно здоровались и поздравляли Семена с приездом.

Вошла тетка Ирина, нестарая, высокая женщина, с лицом куклы кустарной, работы и стала разливать чай.

—Ну, милости просим чайку попить.

Стулья отставили в сторону, пододвинули скамью и стали, постепенно краснея, пить чай, вливая в чашки по несколько ложечек разведенного сахарина.

Наконец, Федор не выдержал:

—А ну, тетка Арина, поворачивай-ка оглобли. Теперь, милуша, твое дело сончено, без тебя справимся. А, Иван?—и подмигнул голубенькими своими глазками.

Ирина молча вышла. Иван раскрыл дверцы шкафа и достал большой синий чайник. По очереди подставляли чашки, и молча, опрокидывали в рот. Закусывали ломтиками сухой колбасы. Вонючая жидкость слегка обжигала горло и оставляла противный отвкус.

—Э, вот какая штука? Нет, дядя Иван, я не пью.

—Да чего ты, пей тут, на том свете не дадут!

—Пей милуша, пей. Ничего от ней не приключится—своя хлебная, хе-хе... А ты во-от так. Эк, ха-арашо! Ну, пей, пей, не артачься, милуша!

—Ну ладно, разве для кампании уж!

Семену показалось, что совсем не пьянит. Выпил под ряд несколько чашек. На улице визжала гармоника и мальчишеский петушиный голос пел:

Мой миленок, что тиленок,
Только разница одна-а...

Звуки то прыгали в самые уши, то уходили далеко и почти сливались с шумом в голове. Лампа тихо качалась от шкафа к окошку и водила за собой всю комнату. Перед глазами плавал сизый туман от цигарок, красные, потные лица выступали из него и снова прятались. Становилось нестерпимо жарко.

Перед Семеном запрыгало возбужденное лицо Федора и визгливый голос его покрыл гул пьяных речей.

—Э, милуша, да ты совсем раскис! А я к тебе, тово, с делом.

Несло противно у него изо рта. Он близко наклонялся к Семену дышал в лицо ему, и быстро, брызгая слюной, выкрикивал:

—Милуша! Я к тебе, тово, с дельцем. Ах дельце! Это уж такое! Денег ведь нет у тебя, а? Ведь нет? А деньги милуша нужны, ах нужны. И хозяйство и жена—все деньги. А теперь такое дело, что твое хотенье—и деньги тебе!

Гармоника заливалась:

Что тиленок ест помои,
А мой милый никагда-а...
Ти-та-рита-ти-тара... Иих...

Еще наклонилась седая борода. будто без лица, а так—только клок дыма:

—Главное, паря, вот што. Старики мы и доверья к нам нет, а ты вот приезжий. Главное вот што ..

—А ты Матвей не мешай. Ну вот милуша. Как пошлем тебя делегатом, ты уж в оба, тово поглядывай, да писульку шли. А времечко поспеет, да и мы к тебе в го-

сти, хе-хе. От таких гостей чертям-то жарко станет! Ну, посуди: орудья в лесу есть—раз, люди есть, хоть старики, а народ крепкий,—два, и врасплох нагрянем—три! Вот тебе и расчет. А денежки потом в карман да прихлопнешь, да не большевистские черти, а николаевки хру-устские! И-их заживем! Есть такие людишки, что деньги платят. Ну, что скажешь?

—Да, чего хочешь... не, понимаю... уйди ты от меня... спать хочу...

—Слушай, Семен—поймешь. Против большевиков пойдешь—деньги получишь. Чего непонятно?

Лицо Ивана было совсем близко, с глазами, как бурава, потом отошло к стене, а бурава осталась у самых семеновых глаз, Семен размахнулся, покачнулся на неверных ногах, рука прошла сквозь дым и больно стукнулась о стол. Вместе со сдернутой скатертью полетел самовар и зазвенели разбиваясь чашки.

—Ах ты, сукин сын. Ку-уды?

—Пусти... пусти, говорю... Все равно расскажу... Опоили, черти... думали—соглашусь... А я за что свою кровь... отдал...

—А, ты так, чорт проклятый, вз'ерепенился... Пришить надоть.

От того, что разбилось стекло на лампе, стало полутемно. Пригали черные фигуры и их тени взлетали до самого потолка. Лица стали свирепыми и незнакомыми. А гармоника тихонько пела:

Мой миле-енок......

Кричали, наседали, лезли деревянными руками в лицо. Семен рванулся, с размаха влетел в прохладные сени и растянулся на полу. Почему-то обдало запахом кленового листа..

—Не уйдешь, ха-алера!

Навалились тяжелой грудой, дыша перегаром и потом. Остервенело били кулаками, тискали, швыряли с размаха о земляной пол...

—Придушить надо. Крови чтоб не было!

Придавили, как землею, тело, и мяли и тискали давно мертвую незагорелую шею.

Семкина голова попала в стоявшую у стены корзину вишен и, впиваясь в нее, давила спелое мясо ягод.

Жюль Ромэн *).

ЕВРОПА.

Монмартр, Каннебьера,
Оксфорд-цирк, Фридрихштрассе,
Я вас окликаю по имени.
Чего вы ждете? Что вы делаете?
Кто пересилил вашу силу
И вашу кровь оцепенил?
Надо тебя разбудить, радость—толпа.
Еще недавно вы жили, ничего не зная о
звездах,
Самой возвышенной жизнью, самой возвышенной властью.
Вся Европа была в вашем рокоте. Под вашим асфальтом
Дух будущих богов бил с шумом родника.
Вся лучезарность мира, не была ль она
Сплошным качающимся заревом над вами?
Теперь вы скованы глухим, подвластным сном.
Некто чудовищный—один—вас замещает всех,
Червь чрева своего питая вашей плотью.
Я вас зову, живые толпы,
Вы все, ожигавшие меня!
Вы все, летучие огни,
Колеблемые летним ветром,
Большие факелы, в чьем блеске было
Зарождавшееся солнце.
Толпа театра и вокзала,
Мюзикхолля и кафэ;
Толпа Гайд-парка в майский день;
Толпа сентябрьская на Лидо;
Толпы портов и кораблей;
Толпы живой Европы;
Толпы противные смерти!
Я вам повторяю—пора.

——

*) Жюль Ромэн—известный французский поэт, возглавляющий самое передовое, значительное из течений современной французской поэзии — унанимизм, получившее наименование от первой книги Ромэна — „Ja Vie unanime" — „Единодушная жизнь". „Единодушной жизни" в следующем № журнала будет посвящена специальная статья.

ГЕНЕРАЛ КУРЛОВ в МИНСКЕ.

(Отрывок из воспоминаний).

Я прибыл в Минск при очень тяжелых обстоятельствах. Предыдущей зимой здесь были большие беспорядки и демонстрации, в которых приняли участие воспитанники учебных заведений. Прежний губернатор граф Мусин-Пушкин не только не был хозяином положения, но даже дал увлечь себя в демонстрации, причем однажды манифестанты воспользовались красной подкладкой его пальто для своего революционного знамени. Губернское правление и полиция находились в состоянии полного развала, и я был принужден начать с того, что уволил своего правителя дел и полицеймейстера.

Несколько дней спустя после моего приезда, я, выйдя как-то на балкон своего дома, заметил на улице газетчиков, которые сновали среди публики с красными экстренными прибавлениями газет. Я уже знал, что в Минске это означает готовящуюся забастовку и уличную демонстрацию. Торговцы стали быстро закрывать свои лавки и на улицах начали собираться группы манифестантов. Демонстрации эти рассеивались в течение дня полицией, причем, к счастью, до столкновений дело не доходило. В 4 часа дня на Губернаторской улице собралась огромная толпа, которая не разошлась по требованию полиции и прорвала ее цепь. Тогда я велел вытребовать казаков 2-го донского полка. В виду непрекращавшихся все время в Минске беспорядков, командующий войсками виленского военного округа распорядился усилить минский гарнизон, состоявший из одного пехотного резервного полка и одной артиллерийской бригады, сотней казаков и двумя эскадронами драгун.

В течение всей моей службы я был всегда против того, чтобы пользоваться пехотой для подавления уличных беспорядков, так как очень хорошо знаю, что при столкновениях ее с народными массами неизбежны многочисленные жертвы.

Поэтому я предпочитаю обращаться всегда в таких случаях к кавалерии. Призванные казаки попытались сперва рассеять манифестантов, не прибегая к оружию; не пустили его в ход даже тогда, когда из толпы раздался выстрел, которым был ранен один казак и лошадь. Казаки окружили часть манифестантов, где находились вожаки, и отвели их в тюрьму. Я поехал туда и об'яснил этой группе людей, что арестую их, так как они нарушили мой приказ, воспрещающий всякого рода уличные собрания и сходки, и не подчинились требованиям полиции и войск разойтись. Большинство арестованных принадлежало к революционной партии «Бунд». Возвращаясь домой, я видел, что на улицах царит полная тишина и спокойствие, и радовался, что день этот прошел сравнительно благополучно. Дома ждала меня спешная работа, так как незадолго до этого я получил телеграмму о частичной мобилизации войск.

Мой рабочий кабинет находился в нижнем этаже. В соседней комнате помещались приглашенные мной для особенно спешной работы чиновники, а в передней постоянно находилось несколько городовых и драгун. Едва я сел за письменный стол, как раздался взрыв. Стекла зазвенели, и электричество погасло. В темноте я бросился на внутреннюю лестницу, чтобы успокоить жену, но она бежала уже вместе с горничной мне навстречу, держа в руках зажженные свечи. Мы спустились по парадной лестнице в нижний этаж. Передняя и часть приемной представляли страшную картину: на полу в разных местах лежали и стонали городовые, драгуны и чиновники. К счастью, никто не был убит, но было довольно много тяжело раненых. От взрыва полопались стекла в приемной и в гостиной, во втором этаже. Лица, находившиеся в этих помещениях, были ранены осколками: у одного драгуна извлекли в больнице 28 кусков стекла. В моем кабинете стекла уцелели, кроме одного, которое лопнуло. Перед домом была найдена окровавленная шапка, повидимому, принадлежавшая человеку, который бросил бомбу. Виновный не был схвачен.

Наступил октябрь; все линии минского железнодорожного узла, как и вся Россия, бастовали. 16-го числа городской голова сообщил мне, что рабочие водопровода забастовали и также готовятся забастовать рабочие электрической станции. Я тотчас же отправился на водопровод и электрическую станцию и заменил забастовавших рабочих солдатами. В результате получилось то, что рабочие стали просить меня взять их назад на работу. Таким образом, ни водопровод, ни элекрическая станция работы своей не прекращали ни тогда, ни впоследствии.

Отсюда я поехал на вокзал, где уже в течение нескольких дней батальон пехотного резервного полка нес службу по охране мастерских и зданий. Мне доложили, что со стороны железнодорожников не наблюдается никаких попыток к забастовке. Когда я проходил через зал I-го класса, ко мне подошел контролер Соба и попросил меня разрешить собрание железнодорожников. Я ответил, что ничего не буду иметь против, если просьба об этом будет исходить также от начальника дороги.

— Разве вы не получили никаких предписаний из Петербурга?—неожиданно спросил меня Соба.

Когда я ответил отрицательно, он заметил:

— Ну, так вы получите их, если не сегодня, то завтра.

Я в то время не придал никакого значения этому вопросу, и только потом, спустя несколько дней, убедился, что революционные партии гораздо больше заботились о том, чтобы держать своих товарищей в провинции в курсе дел, чем министерство внутренних дел—своих губернаторов.

Вечером начальник дороги повторил просьбу о разрешении собрания железнодорожников, и я разрешил его на другой день в 9 часов утра под личной ответственностью начальника. На другой день, 18 октября, последний явился ко мне утром осведомиться, не переменил ли я своего решения, и в разговоре упомянул о манифесте, на что я опять-таки не обратил внимания. Лишь позднее, во время доклада, спросил полицеймейстера, о каком манифесте идет речь. Полицеймейстер ответил, что он только что собирался поговорить со мной об этом, и сообщил, что в аптеке Венгерова висит манифест о конституции, повидимому, оффициального происхождения. В эту минуту ко мне в комнату вошел вице-губернатор. Он показал мне манифест 17 октября, отпечатанный в частной типографии, и спросил, не следует ли опубликовать его оффициально. Я ответил, что ему должен быть знаком способ опубликования высочайших манифестов, но что я до настоящего момента не получил из министерства ни манифеста, ни каких-либо предписаний на этот счет. Затем я высказал опасение, как бы появление манифеста частным образом не создало бы тревоги в населении, особенно при том настроении, какое замечалось в последние дни. Я приказал полицеймейстеру строго держаться постановлений, выработанных в особой комиссии под моим председательством, на случай возникновения беспорядков. Эти постановления, между прочим, предусматривали предоставление в мое распоряжение конных курьеров в случае перерыва телефонных сообщений при наступлении беспорядков. Наконец, я получил от министра внутренних дел манифест 17-го октября и приказал вице губернатору принять меры к его немедленному опубликованию, а полицеймейстеру—немедленно сообщать мне о всяком движении в городе.

Такая запоздалая высылка манифеста, вероятно, не мне одному, но и другим губернаторам, должна была иметь бесконечно вредные последствия для всей России. Если принять во внимание, что текст манифеста содержал только указание на будущие законы, то было более чем необходимо предварительно ознакомить с его содержанием губернаторов и дать им определенные директивы относительно общей и единообразной деятельности местных органов власти при решении вопросов, вызванных к жизни появлением манифеста.

Точно также был неопределенен и высочайше утвержденный доклад графа Витте, так как он ни в коем случае не имел той точности и ясности, которая необходима с точки зрения разумно понимаемой государственной власти. И вот произошло нечто невероятное: во всех губерниях манифест разно толковался и различно применялся, что само по себе было уже опасно при стремлении противо-правительственных партий дискредитировать этот манифест. Этим объясняется возбуждение народа, выразившееся в беспорядках, и едва не доведшее Россию до революции, не будь твердой руки П. Н. Дурново, назначенного тогда министром внутренних дел.

Во время обеда мне донесли, что перед губернаторским домом собирается толпа с красными знаменами, на которых красовались надписи: «Долой самодержавие». Толпа эта скоро покрыла всю площадь. Я вышел на балкон, и один из участников демонстрации обратился ко мне с просьбой принять депутацию, которая изложит мне желания «свободного народа». Я обратился к толпе, поздравил ее с высоко царской милостью и высказал уверенность, что народ поймет момент и сумеет сохранить порядок в этот торжественный день. Вместе с тем я попросил депутацию ко мне в приемную.

Революционная печать упрекала меня, что депутация эта была встречена в передней казаками, которых я, будто бы, позвал. Но в этом упреке кроется недоразумение, или даже, вернее, намеренное извращение истины. Дело заключается в том, что казармы и конюшни кавалерии находились далеко от центра, на краю города, и потому состояв-

шая в моем распоряжении часть ее устроилась в губернаторском доме, где имелось много свободных помещений для людей и отличные конюшни для лошадей. Казаки, услышав шум и крики, выбежали из своих помещений и бросились в переднюю...

Депутация вступила в приемную и обратилась ко мне не с просьбой, а с целым рядом требований, среди которых было немедленное освобождение всех политических и административных арестантов, а также удаление из Минска казаков. Я ответил, что, во-первых, только во власти царя издание новых законов, гарантирующих его подданным известные свободы; что же касается меня, то я должен пока придерживаться старых, еще не отмененных законов, но что в своей деятельности я принужден, конечно, отныне считаться с новым, дружественным народу манифестом...

Во-вторых, казачий полк находится в Минске по распоряжению высшего военного начальства, и я не имею ни права, ни власти отменить это распоряжение. Наконец, что касается политических арестованных, то они состоят в ведении следственных властей и прокуратуры и потому только от этих последних зависит их освобождение. В виду же торжественности сегодняшнего дня, я приказываю освободить всех арестованных по моему распоряжению. Я тотчас же велел исполнить этот приказ и обратился к депутации с просьбой воспользоваться своим влиянием на толпу, чтобы удержать ее от всяких эксцессов. В ответ на эту просьбу я совершенно неожиданно услышал от одного из депутатов:

— Не думайте, что войска по вашему приказанию будут стрелять в народ.

На это я сказал, что не собираюсь ни в кого стрелять, но предупреждаю, что не допущу в городе никаких беспорядков.

С губернаторской площади толпа направилась к тюрьме. Начальник военной охраны обратил внимание ее на то, что он не имеет права допустить ее к зданию ближе, чем на 50 шагов, и что, в случае нарушения этого правила, он принужден будет приказать открыть огонь. Это спокойное, но твердое заявление заставило толпу остановиться. Затем она громкими криками приветствовала выпущенных из тюрьмы административно арестованных и вместе с ними направилась к вокзалу.

Здание вокзала, как я уже сказал, охранялось с некоторых пор войсками. Поэтому мне не приходилось назначать для него особой охраны. Кроме того, часть охраны находилась на железнодорожном мосту и на насыпи. Начальником ее был баталионный командир, оказавшийся трусом или же не знающим своих обязанностей офицером. Не предупредив толпу, чтобы она не приближалась к войскам, он допустил ее на очень близкое расстояние. Толпа в нескольких шагах от солдат поставила стол, взбираясь на который, ораторы начали произносить противоправительственные и оскорбительные для царя речи. Кто-то отнял у начальника охраны шашку и к ней прикрепили красное знамя; затем толпа начала отнимать винтовки у спокойно стоявшей до этого стражи. Этого солдаты не стерпели, и вдруг, без чьего либо приказания, открыли по толпе беспорядочный огонь. К ним присоединились солдаты, стоявшие на мосту и насыпи, и также начали стрелять в народ, в результате чего на месте оказалось много раненых и убитых. Через несколько минут площадь была пуста: толпа разбежалась, захватив, однако, с собой раненых и убитых, что является харктерным для тех массовых выступлений, в которых большинство составляют евреи.

Я оставался все время дома, чтобы быть вблизи телефона, так как я приказал немедленно сообщать мне обо всем, что произойдет в городе. Начальник жандармского управления Либаво-Роменской железной дороги генерал-майор Вильдеман-Клопман сообщил мне по телефону, что толпа манифестантов находится у вокзала и пытается отнять у солдат оружие. Он спрашивал указаний, как поступить, и я ответил, что в случае насильственных действий со стороны толпы распоряжение вокзалом и принадлежащими к нему зданиями должно быть передано военной власти, и что я немедленно приеду сам. Не прошло и двух минут, экипаж мой, уже запряженный, не успел под‘ехать к под‘езду, как генерал Вильдеман сообщил, что войска стреляли в толпу, которая разбежалась, и что площадь пуста.

При таком положении дел я не счел нужным ехать на вокзал и оставить губернаторский дом, откуда каждую минуту я мог бы распорядиться по телефону. Я приказал полицеймейстеру вызвать врачей и организовать врачебную помощь, которая, однако, прибыв на площадь, не нашла ни одного убитого или раненого.

Хорошо понимая значение происшедших событий, я предвидел, что они подадут повод к новым, более сильным, выступлениям революционеров, и потому обратился к начальнику гарнизона генералу Ильинскому с просьбой поручить немедленно военному следователю произвести дознание относительно образа действий войск, которые находились при исполнении служебных обязанностей,

а потому подлежали ведению военной юстиции. По приказанию начальника гарнизона на вокзал немедленно отправился военный следователь полковник Фишер.

Этого законного распоряжения никогда не мог простить мне минский прокурор Бибиков, которого я знал еще со времени моей службы в прокатуре. Его вдруг обуял порыв сильнейшего либерализма, которым в те печальные дни страдали, впрочем, многие чиновники. То обстоятельство, что при своем появлении на вокзале он нашел уже военного судебного следователя и что благодаря этому был лишен возможности проявить свой новоиспеченный либерализм, заставило его обрушиться на власть с целым рядом обвинений.

Надо еще упомянуть, что события этого дня произвели такое сильное и вредное влияние на его здоровье, что он заболел нервным расстройством и был вынужден оставить службу, чтобы заняться лечением. Он счел своим долгом отвести передо мной свою душу и явился ко мне в таком возбужденном состоянии, что мне стоило больших трудов его успокоить.

Этот тяжелый день имел дурное влияние и на мои нервы, так что я в течение почти всей ночи не мог заснуть. Около часу ночи мне позвонил Бибиков и просил принять его секретаря по неотложному делу. Я ответил, что готов, несмотря на поздний час, принять Бибикова или его товарища, но считаю излишним входить в какие бы то ни было переговоры с секретарем. Часа два спустя ко мне явился старший товарищ прокурора и подал письмо от Бибикова, запечатанное, против всяких правил, казенной печатью. В этом письме прокурор извещал меня, что события на вокзале страшно взволновали весь город и что во избежание дурных последствий, в виду того, что власть утратила всякий авторитет в глазах населения, он просит меня передать свои полномочия судебному ведомству. Я письменно ответил, что назначен губернатором высочайшим указом, данным на имя правительствующего сената, и потому не считаю себя вправе передавать кому бы то ни было вверенную мне власть.

Два или три дня спустя я получил от министра внутренних дел приказ по телеграфу передать свою должность вице-губернатору и немедленно явиться в Петербург.

Оказалось, что депутация минских граждан, предводительствуемая городским головой, обратилась с жалобой на меня к графу Витте. Я предположил, что вероятно происшедшие события были представлены ему в таком извращенном виде, что он пришел к заключению о невозможности оставить меня на губернаторском посту и попросил министра вызвать меня в Петербург.

На другой день я уехал в Петербург— это был первый поезд, отправлявшийся после забастовки; после долгих мучений— я ехал частью в товарном вагоне, частью в вагоне третьего класса—я прибыл наконец в столицу.

Следующим утром я известил по телефону министра о своем прибытии, и получил приказ явиться к нему в 4 часа дня. А. Г. Булыгин принял меня очень любезно и, на вопрос о причине моего вызова, сказал:

— Граф Витте пожелал, чтобы вас вызвали; я здесь ни при чем. Кроме того, я уже не министр. Поезжайте к министру внутренних дел П. Н. Дурново.

* * *

В Минск я вернулся в момент почтовой забастовки. Положение было очень тревожное, тем более, что местное чиновничество, для которого перемена губернатора являлась, даже и в это тяжелое время, событием первостепенной важности, было уверено, что назад я губернатором уже не вернусь. Бибиков, уезжая из Минска, хвастал перед лицами, собравшимися проводить его, что он привезет меня из Петербурга и посадит в тюрьму.

Мое возвращение поразило либеральничающих чиновников, как гром среди ясного неба, и они не скупились наперерыв выражать мне свою преданность, которая внезапно расцвела в их сердцах.

На следующий день оба начальника местных отдельных учреждений появились у меня в вицмундирах—пиджаки моментально исчезли. Первый из них, председатель казенной палаты Ястрембский, то и дело восхищался моей твердостью, второй— управляющий акцизным округом Дьяков— сообщил, что приказал своим чиновникам выписать и читать «Свет». Я не могу пройти молчанием эти на первый взгляд курьезные мелочи, так как они показывают, как мало были устойчивы местные чиновники, занимавшие высшие посты в губернии, на которых должна была опереться, в случае надобности, власть. Чиновничество, принадлежавшее к кадетской партии, считало нравственно допустимым получать от правительства содержание и, в то же время, делать ему оппозицию.

Несколько дней спустя из Петербурга стали поступать телеграммы с точным указанием политики, которой следует держать-

ся, именно: ни в каком случае не допускать нарушения порядка и положить во что бы то ни стало конец почтовой забастовке, причем те, кто не желает опять стать на работу, должны подать в отставку и очистить казенные квартиры. Твердость этих приказов оказала моментальное действие, и о каких-нибудь противоправительственных демонстрациях не было больше речи.

Но подпольная работа революционеров не прекратилась. Под экипаж полицеймейстера, ехавшего ко мне с докладом, была брошена бомба, к счастью, не разорвавшаяся, а несколько дней после этого я был испуган внезапным, без доклада, появлением одного из приставов, остановившегося в дверях и проговорившего: «Ваше превосходительство, в меня только что стреляли, и я ранен». Затем он моментально исчез. Я бросился к телефону, позвонил полицеймейстеру и узнал, что в то время, как этот пристав ехал ко мне, в него стреляли, и несколько пуль попало ему в спину. От меня он прямо поехал в больницу, где обнаружилось, что одна пуля попала ему в почку, так что спустя несколько часов он умер.

14-го января 1906 года в меня была брошена вторая бомба. Я присутствовал в соборе на панихиде по умершем начальнике дивизии. По окончании службы я вместе с другими начальствующими лицами вынес гроб из церкви и поставил его на колесницу. Позади меня стоял с крестом в руках преосвященный Михаил, епископ минский, вместе с прочим духовенством. Вдруг я почувствовал легкий удар в голову, на который не обратил внимания, думая, что вследствие оттепели на меня упал с крыши небольшой комок снега. Ко мне подбежал правитель канцелярии губернатора со словами: «Ваше превосходительство, бомба». Я посмотрел вниз и увидел у моих ног четырехугольный сверток, завернутый в серую бумагу. Полицеймейстер попросил меня сесть в экипаж и уехать домой, что я и сделал. Несколько минут спустя он явился ко мне на квартиру и донес, что немедленно после моего от'езда какая-то дама произвела несколько выстрелов из браунинга, причем он и чиновник особых поручений почувствовали, как пули скользнули по воротникам их мундиров. К счастью, эти выстрелы никому не причинили вреда.

Одновременно мне сообщили, что целый казачий полк, узнав о покушении на меня, поскакал галопом в город без офицеров, чтобы посчитаться с революционерами. Попытки офицеров задержать людей остались безрезультатными, и только тогда, когда я выслал им навстречу начальника дежурной части, корнета Обухова, с приказанием вернуться в казармы и не нарушать порядка, полк исполнил мою просьбу. Таким образом, внимание, оказанное мною умершему офицеру, тем, что я присутствовал на его похоронах, спасло город от эксцессов, угрожавших ему со стороны казаков.

Преступник, бросивший в меня бомбу, оказался некиим Пулиховым, а дама, стрелявшая из револьвера—дочерью начальника артиллерии IV армейского корпуса, Измайлович. Оба были арестованы.

Расследование показало, что Пулихов бросил бомбу вверх для того, чтобы, падая вниз с высоты, она ударилась о землю и разорвалась, но она, ударившись о мою голову, медленно соскользнула по рукаву и тихо упала к моим ногам, не разорвавшись. Так как у нас не было специалистов для ее разряжения, то мы положили ее на костер, воздвигнутый посреди площади между домом губернатора и собором, и зажгли его. Взрыв был так силен, что в прилегающих улицах лопнули стекла во всех домах.

Через несколько дней оба преступника были приговорены военным судом к смертной казни, несмотря на то, что я указал председателям этих судов, что смертная казнь нежелательна, так как в обоих этих случаях было лишь покушение на убийство. Командующий войсками виленского военного округа заменил для Измайлович смертную казнь каторжными работами, а в отношении Пулихова утвердил приговор суда.

В виду этих событий, а также в виду того, что в Минске продолжалось революционное движение, меня вновь вызвали в Петербург для доклада министру внутренних дел. Я был этому очень рад, так как в ближайшем будущем мои об'яснения относительно происшествий 18-го октября могли понадобиться при разборе этого дела в правительствующем сенате.

Во время моего пребывания в Петербурге счастливо окончилось мое дело в правительствующем сенате, и я имел аудиенцию у государя.

Моя дальнейшая служба в Минске не связана с какими - нибудь особенными обстоятельствами. Я должен заявить, что в Минской губернии не было разгромлено ни одного имения и порядок больше не нарушался. Угрожавший городу в мае месяце еврейский погром был предотвращен.

Еврейские погромы составляют только некоторую часть всего вопроса о положении

евреев в России. На практике я прямо сталкивался с ним только в Минске. Так же близко я соприкасался здесь и с другими вопросами, именно: с польским и тесно связанным с ним—католическим.

Прослужив всю свою жизнь в центральной России, я имел об этих вопросах лишь общее понятие, основанное на сообщениях прессы и распространенных в публике сведениях. Я не имел возможности серьезно ознакомиться с ними, и мне не пришлось лично участвовать на практике в их разрешении. В Минске я столкнулся с действительной жизнью.

С первого дня моей службы в качестве минского губернатора ко мне обращались сотни лиц с вопросами о праве жительства.

Совершенно непонятно, чем именно об'яснялось создание особой черты оседлости, границы которой возможно было всегда переступить с помощью всяких ухищрений, не говоря уже о том, что даже по закону вне этой черты могли проживать такие лица еврейского происхождения, которые являлись очень опасным элементом.

В итоге получилось, понятно, враждебное настроение еврейского населения против правительства. Если сюда присоединить еще целый ряд других ограничений, например, затруднения для еврейских детей при поступлении их не только в высшие, но и в средние учебные заведения, то естественно, что евреи должны были охотно присоединяться к противоправительственным партиям. Этим об'ясняется развитие именно в этих местностях революционной партии «Бунд», сыгравшей такую значительную роль в революционном движении 1905 года и в русской революции вообще. Более благоразумная и зажиточная часть еврейского населения участия в этом движении не принимала, но она не была в состоянии удержать от него еврейскую молодежь и вытравить из собственной груди чувство горечи и обиды за ограничения, применявшиеся против них правительством. Последние, помимо обиды и сильного раздражения, имели еще одну дурную сторону: они, с одной стороны, оказывали отвратительное в нравственном отношении влияние на власти, в руках которых находились еврейские дела, и, с другой—создавали в среди коренного населения враждебное настроение против евреев. Именно в этом нужно, по моему, искать одну из главных причин еврейских погромов и с этой точки зрения можно говорить и об «участии в них» правительства.

Что касается враждебного отношения к еврейскому населению, то не могу удержаться, чтобы не рассказать один из характерных случаев из этой области.

Дело было вот в чем. После полтавских торжеств царь должен был проехать через Киев, где на вокзале был назначен прием должностных лиц и представителей общественных групп, среди которых находились также и представители еврейского населения. Я приехал в Киев за полтора часа до прибытия царя. На перроне собрались уже все лица, которые должны были представиться царю. Выйдя из вагона, я остановился у группы чиновников министерства юстиции. Ко мне подошел сильно взволнованный киевский генерал-губернатор, генерал Трепов.

— Согласно церемониала,—сказал он,— представители еврейского общества должны быть представлены последними: они должны поэтому стать в самом конце перрона, но там место не позволяет поставить их в одну линию с прочими, так что им придется стать в правом углу по отношению к прибывающему поезду. Но представители правых партий просят меня не ставить здесь евреев. Я не хочу изменять церемониала, и поэтому очень прошу вас помочь мне в этом.

Немедленно после этого ко мне подошел сотрудник «Киевлянина» А. И. Савенко, принадлежавший тогда к крайним правым и под их флагом прошедший в Думу, где он стал потом видным членом прогрессивного блока. Он стал жаловаться мне на распоряжение Трепова, о котором тот только что говорил со мной, и просил меня совсем удалить евреев с перрона. Я категорически отклонил эту просьбу, считая ее совершенно неосновательной.

В подобном же положении оказались, при практическом знакомстве с ними, и отношения правительства к польскому и католическому вопросам.

Нужно заметить, что ограничения, касающиеся поляков, также не всегда основывались на законах. Очень часто здесь руководствовались циркулярами прежнего виленского генерал-губернатора, графа Муравьева, хотя Минская губерния в это время уже не принадлежала больше к району этого генерал-губернаторства.

Прежде всего, правительство в своих действиях исходило из того неправильного взгляда, будто все лица римско-католического вероисповедания—поляки, между тем, как среди католиков было немало белоруссов, которые с поляками не имели ничего общего и даже относились к ним враждебно. Поэтому запрещение уличных католи-

ческих процессий вызвало недовольствие в этой части населения, которую ни в коем случае нельзя было считать настроенной против правительства. Очевидно, из тех же соображений было запрещено открытие католических школ, следствием чего явилась отсылка белорусской молодежи в специально для этой цели основанные католические школы в Австрии, где молодежь эта, конечно, не воспитывалась в духе любви к России.

Нельзя сказать, чтобы указанные здесь ограничения проводились систематически, но более или менее строгое применение их всегда зависело от усмотрения лиц, стоявших во главе центрального управления министерства внутренних дел, или от взглядов местных губернаторов.

Насколько отношение к польскому вопросу в центре зависело от личностей и политического направления верхов, показывают следующие эпизоды.

В Минск прибыла польская опереточная труппа, дирекции которой я разрешил дать несколько представлений на польском языке, причем мне в голову не приходило, что разрешение это незаконно. Вскоре после этого я был в Петербурге, и генерал Трепов при встрече со мной показал мне номер газеты, где описывалось торжество первого представления на польском языке. В резкой форме он спросил меня, что заставило меня разрешить представление польской труппе. Я возразил, что и он, Трепов, разрешил в качестве московского обер-полицеймейстера артистке Кавецкой петь песни на польском языке, на что Трепов неожиданно заметил мне, что то другое дело, потому что Москва—русский город. Я должен был довести до сведения моего начальства, что считал и Минск русским городом, и что ни в законе, ни в циркулярах графа Муравьева не содержится подобных запрещений.

Следствием подобной политики было то, что польское население, если и не относилось так враждебно к правительству, как еврейское, все-таки другом его не было, между тем, как католическое духовенство, имевшее колоссальное влияние на свою паству, могло бы при других условиях явиться важной поддержкой для власти и быть ей полезным.

Со временем моего пребывания в Минской губернии совпало открытие первой Государственной Думы, противоправительственная деятельность которой так взволновало провинцию. Острые нападки на представителей правительства, знаменитое требование кадета Набокова: „власть исполнительная да подчинится власти законодательной“, затем убийство главного военного прокурора генерала Павлова, явившееся следствием прямого подстрекательства со стороны Думы—все это произвело переполох среди чиновничества, еще не успевшего успокоиться после манифеста 17 октября.

Министром внутренних дел был назначен П. А. Столыпин, которого я до этого времени совсем не знал и никогда не видел. В Нижнем-Новгороде освободился пост губернатора, но несмотря на то, что Дурново твердо обещал это место дать мне, оно было отдано другому. Я счел оскорбительным для себя такое отношение и подал в отставку, причем перед этим испросил себе отпуск. Уйти окончательно я не мог, так как был камергером двора его императорского величества.

Я получил просимый отпуск и отправился в Петербург.

П. Керженцев.

Пролетарская культура.

Пролетарская культура складывается в эпоху после победы рабочего класса при диктатуре пролетариата.

Сейчас мы можем говорить лишь об основных особенностях этой культуры, так как полностью она выявится лишь в связи с окончательным укреплением коммунизма.

Каково характерное содержание пролетарской культуры? В чем ее своеобразные принципы?

Это станет ясно при противопоставлении культуры буржуазной и пролетарской.

Буржуазная культура базируется на фетишизме понятий, пролетарская—опирается и исходит из диалектического мышления.

Буржуазная культура, особенно в период упадка капитализма, обращает свои взоры в потусторонний мир. Она увлекается идеализмом, мистикой всех оттенков, богоисканием, символикой, болезненной фантастикой.

Культура пролетариата прежде всего—культура реалистическая. Пролетарий стоит твердо обоими ногами на земле, уже сама роль рабочего в производстве делает его материалистом. Материализм—это неот'емлемая коренная особенность пролетарской культуры. Марксизм—есть один из главнейших элементов, определяющих все содержание новой культуры.

Буржуазная культура индивидуалистична. Она исходит из интересов отдельнаго человека и притом из интересов собственника, эксплоатирующего чужой труд. Буржуазная литература, театр, искусство воспевают отдельную личность, ее радости, страдания, любовные успехи и неудачи. Вокруг интересов индивидуузма строится вся культура.

Пролетарская культура—коллективистична. Она опирается на интересы коллектива. Для нее на первом месте—целое, класс, освобождаемое пролетариатом человечество. Пролетарские поэты воспевают массу и ее об'единение. Они поют гимн творчеству рабочего класса. Все подчиняется коллективу. Характерный пример—мораль. Мораль буржуа старается защитить интересы собственника-эксплоататора. Отюда порабощение женщины в буржуазной семье. Мораль пролетарская учит: хорошо, морально все, что содействует борьбе и победе рабочего класса,—плохо, неморально то, что препятствует победе коммунизма.

Буржуазный мир строится на основе авторитарности, т. е. преклонения перед авторитетом, чинопочитании, иерархии. Во главе фабрики—хозяин, во главе треста—всемогущий король индустрии, на вершине государственного аппарата—монарх или президент с правами монарха.

Пролетарская культура строится на практическом признании равенства всех членов класса. На творческой солидарности трудовых масс. В своей работе пролетариат осуществляет истинные начала демократизма—в виде, напр., демократического централизма.

Буржуазная культура и ее носители и популяризаторы—поэты и беллетристы—поют гимн богатству и славословят золото. Воспевание золота не только поэтический мотив. Золото в капиталистическом мире есть символ экономического могущества, символ эксплоатации человека. Ведь через золото можно овладеть орудиями производства для выжимания прибавочной стоимости. Потому то, воспевая золото и его волшебный блеск буржуазные поэты воспевают эксплоатацию пролетариата.

Пролетарская культура славит труд. Труд является началом, организующим жизнь. Труд, при условии свержения капитализма, есть основа нового общества, которое не знает эксплоатации человека человеком, а эксплоатирует в интересах трудящихся лишь силы природы.

Поэтому понятно, что пролетариат воспевает не золото, а железо. Герасимов пишет яркий гимн железу. Железо—это поистине пролетарский трудовой металл. Из него выковывается плуг и молот, топор и зубило. Этот металл как раз помогает использовыванию сил природы.

Поэтому пролетарская поэзия воспевает и орудия труда и так восторженно славит завод и машину. Когда то первые восстания пролетариата вызывались введением машин. Рабочие шли громить машины, которые обрекали их на безработицу. При диктатуре пролетариата рабочие видят в машине и фабрике основу их организованности и сил, необходимое средство для окончательной победы.

Капиталистический строй отмечен печатью анархии. Анархия производства (вызывающая кризисы) естественно отражается и на всем содержании буржуазной культуры, отсюда анархический индивидуализм, столь типичный, напр., для буржуазной интеллигенции.

Мощь пролетариата—в дисциплинированности и организованности. Только организуясь в партию и профсоюзы, пролетариат приобретает роль в государстве. Только благодаря сплоченности и организованности, пролетариат одерживает победу над капиталом.

Потому принцип организованности, сплоченности масс, принципы строгой пролетарской дисциплины—очень характерны для пролетарской культуры.

Буржуазия чувствует близость своей гибели. Она дряхлет и слабеет, отсюда—мотивы пессимизма, хныканье, мистика, стремление в потустороннем мире найти успокоение и утешение.

Пролетарская культура—культура молодого полноправнаго класса. Пролетариат одерживает сейчас самые блестящие свои победы. Он знает, что история—за него, что перед ним блестящее будущее, яркое торжество коммунизма. Поэтому он бодр, смел, уверен в себе, оптимистичен, полон активности.

При этом он особенное внимание уделяет творческой, созидательной работе. Грандиозные задачи стоят перед побеждающим рабочим классом. Быстрыми ударами он разрушает старый мир. И лишь в долгой и трудной работе идет созидание нового коммунистического строя. Созидательное творчество — сущность культуры рабочего класса.

Таковы в кратком, конспективном очерке основные особенности новой культуры, над которой работает сейчас рабочий класс.

М. Гришин.

ЗВУК СЛОВА в пролетарской поэзии.

(Аллитерация).

«Дней бык пег,
Медленно лет арба,
Наш бог—бег.
Сердце—наш барабан!».

Это—отрывок из «Нашего марша» В. Маяковского. Здесь нет впечатления образа, яркого, бросающегося в глаза, слепящего, как это есть, напр., у имажинистов. Хотя на самом деле образ есть. Но сила созвучий так велика, так непропорционально вылезла вперед, что если написанное прочитать, продекламировать, то вообще исчезает всякий смысл, остается голое созвучие (аллитерация), за которым вы чувствуете (именно чувствуете, а не понимаете) топот бегущих строем. Или: «Бейте в площади бунтов топот». Прочитайте кому нибудь эту строку первый раз вслух, если и поймет слушатель что нибудь, то не более двух первых слов, а дальше:—впечатление голых звуков и ощущение топота.

А пока мы отвлечемся от свойственного специально футуризму недостатка: пожирания смысла и образа звуковым сочетанием.

Одно ясно и несомненно, из приведенных примеров: алитерация—сила в поэзии, средство, безусловно значительное для отражения предмета.

Собственно, иначе и быть не могло. Слово родится из трудового усилия. Каждое такое усилие всегда и всюду принимает форму, соответствующую природе преодолеваемого препятствия. Усилие выражается звуком. Следовательно: форма звука отражает форму усилия, т. е. форму преодолеваемого препятствия. Так, за звуком «т» всегда скрывается что то твердое, звуком «з» выражается звенящее и т. п. Сочетания усилий отражаются с давних времен сочетаниями звуков, т. е. словами. А следовательно природа предмета всегда отражается в звуковом составе слова. Сила метода В. Маяковского и др. футуристов—отражать предмет с помощью сознательного подбора звуков слов—только подтверждение правильности гипотезы о происхождении слов из трудовых усилий.

Еще у старых поэтов встречается попытка «играть» на аллитерации. Но дальше беспорядочного и нужного подбора *одинаковых* звуков они не шли. Получалась аллитерация на «б», на «т» и т. п. Это производило смешное и игривое впечатление, не больше этого. Заслуга футуристов заключаетсяименно в том, что они использовывали звуковой состав слов так, что отражали боестяще *предмет* стиха, чем

вызывали соответствующее чувство огнем, т. е. разрешали в значительной степени *основную* задачу поэтики.

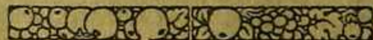
Теперь уж мало таких чудаков, которые видят всю суть пролетарской поэзии в умении «вставить» рабочую идею (да еще определенно политическую, «на момент») в стихотворную форму. Надо не только подобрать нужную в классовых интересах тему, вложить марксистскую идею и рабочее чувство в стих, но и *по пролетарски* написать стих—таково теперь мнение большинства идеологов пролетарской поэзии. И ясно, что построить *новый метод* пролетарской поэзии можно только на научном основании, используя весь старый опыт в этом отношении. Поскольку дело обстоит так, постольку на вопрос о том, нужна ли аллитерация в пролетарской поэзии, надо ответить да, безусловно нужна.

Два вопроса возникают при разрешении задачи о применении аллитерации в пролетарской поэтике.

Вопрос первый: Каково должно быть отношение аллитерации к образу, к смыслу и др. средствам поэтики? Здесь мы должны обратиться опять к старому опыту. Опыт футуризма показывает, что алитерация может «поесть» смысл, образ и многое другое в стихе. У футуристов в области организации отдельных средств поэзии *между собой*—анархия. Это не годится в пролетарской поэзии. Аллитерацию надо поставить на свое место, согласовать ее с другими средствами и тем самым сделать ее даже более сильной, ибо мы развязываем ей руки, ставя ее куда следует, т. е. даем ей возможность развернуться «*по предмету*» до конца, не даем ей превратиться в пустой набор слов.

Вопрос второй: Как использовать аллитерацию для отражения предмета? Здесь старый опыт указывает прежде всего на возможные «вывыхи» в сторону игриво-легкого употребления аллитерации на один звук. Правда, чаще всего для наиболее выпуклого выражения природы предмета, приходится и надо употреблять аллитерацию на один звук. Но надо помнить о необходимом соответствии. Вообще же задача новой поэтики: использовать звуковой состав слов путем сопоставления их так, чтобы не в ущерб смыслу и образу получилось как бы новое, отражающее природу предмета. Примером это можно пояснить так. Пусть дана строка: «Молотом железо бить бы». Здесь слово «молотом» отражает вполне один кусок предмета сточки, именно—молот, падеж указывает на отношение молота к другому предмету: к железу и к действию: «бить». Отсюда ясно, что даже звуковой состав окончания «ом» нужен; слово «железо» отражает звуковую природу железа, слово «бить» звуковую природу действия «бить». Кроме того, каждое слово в своем составе всегда несет звуки, отражающие природу не отражаемого словом предмета, а так или иначе близкого к нему; например, слово «бить» звуком «т» несомненно отражает в известной степени природу железа (твердость), слово «молот» звуком «м»—отражает обхват молота рукой (мой—«м»), а звуком «т»—твердость разбиваемого предмета, в данном случае железа. Но ни одно слово из приведенных не отражает звуковой природы *предмета* строки в целом: молотом железо бить бы! Вот здес и нужна инициатива поэта: все зависит от того, *как располагает поэт звуковой состав слов вообще*. В данном случае возможны пять сочетаний: «молотом железо бить бы», «железо молотом бить бы», «бить бы молотом железо», «молотом бить бы железо», «железо бить бы молотом», и во всех пяти случаях выпирают на первый план *различные стороны* звуковой природы предмета. И в зависимости от того, что интересует поэта в этой природе (а это зависит от задач стиха в целом), он должен сообразно с ритмом, смыслом образа и рифмой, остановиться на одном наиболее подходящем сочетании. Так, например, если стих требует выражения силы и могущества удара молотом, необходимо остановиться на сочетании: «бить бы молотом железо». Здесь накопленность звуков: «б» и «т» вполне выражает превосходство удара над сопротивлением железа.

На силу и могущество аллитерации указывает творчество футуристов. Задача пролетарской поэзии: поставить аллитерацию на должное место в общей системе стиха и превратить употребление аллитераций в научно-сознательное.

Д. Рязанов.

ПРОГРАММА
первых коммунистов.

Наша партия—Российская *Коммунистическая* партия (Р. К. П).—называется так потому, что *программа*, цели и задачи ее, основаны на программе, которая была впервые изложена в «Коммунистическом Манифесте».

Этот Манифест—провозглашение целей и задач—был опубликован во второй половине февраля 1848 г. от имени незадолго пред тем основанного «Союза Коммунистов». Он, по справедливости, может быть назван колыбелью современной международной коммунистической партии, Коминтерна. Составлен был манифест *К. Марксом* и *Ф. Энгельсом.*

Маркс уже в 1844 г. пришел к заключению, что „интеллигенция" сама по себе бессильна в борьбе с буржуазным обществом, что она может только разрабатывать науку о переустройстве общества, но ни путем пропаганды, ни путем восстания, подготовленного маленькой горстью даже очень решительных людей, она не сумеет добиться коренного переворота всех общественных отношений. Это может сделать только такой общественный класс, т. е. разряд людей, связанных в данном обществе одинаковым положением, одинаковыми интересами, который—хочешь не хочешь—вынужден вести борьбу с этим обществом, если желает избавиться от гнета и эксплоатации. Таким классом, по его мнению, мог быть только *пролетариат.*

Этот основной взгляд усвоил себе и Энгельс, который тогда работал над книгой о «Положении рабочего класса в Англии». Вместе они продолжали исследовать природу пролетарской борьбы, условия, при которых она возникает и развивается, цели, которые из нее вытекают. Зимою 1845—46 годов они разработали главные основы своего учения.

Оказалось, что пролетарская борьба не есть случайное явление, что она возникла, как неизбежное следствие новых общественных отношений, что она неустранима, пока не будет осуществлена ее цель. Оказалось, что экономические, хозяйственные отношения, которым прежние коммунисты не придавали никакого значения, составляют, наоборот, основу, на которой вырастают каждый раз новые общественные формы (виды), на которой возникают каждый раз новые классовые противоположности, новые классы, борьбой которых определяется жизнь общества; оказалось, что развитие пролетариата также неизбежно, как развитие буржуазии. А отсюда вытекало, что пролетариат должен был последовать примеру буржуазии в передовых странах, должен был осознать свои цели и задачи, организоваться в особую партию и преобразовать все общество согласно этим целям.

Маркс и Энгельс, которые не были только учеными, книжниками, развили теперь широкую агитацию за свое учение. Брюссель, где они тогда жили, являлся по своей близости к немецкой границе удобным местом для сношения с немецкими рабочими, многие из которых заезжали туда. Маркс и Энгельс скоро стали в центре всей тогдашней работы среди немецких рабочих. Чтобы подготовить более широкую организацию, они организовали в различных городах среди существовавших тогда рабочих обществ самообразования особые ячейки, которые были названы комитетами для сношений. Всюду происходила страстная борьба, всюду велась самая оживленная дискуссия. Новая точка зрения раньше всего победила в Брюсселе и Лондоне.

После неудачной попытки созвать с'езд всех коммунистических ячеек в Бельгии, в городе Вервье, на самой границе с Германией, был созван с'езд в Лондоне летом 1847 г. Прежде всего была создана новая организация, которая с самого начала получила международный характер. Целью союза поставлено было *свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого буржуазного общества, основанного на борьбе классов, основание нового общества без классов и частной собственности.*

Устав союза был построен на основах демократического централизма. Комитеты местные, областные, центральные—были выборными и сменяемыми. Верховным органом был с'езд союза, принятый устав должен был еще быть рассмотрен местными комитетами и вновь обсужден на следующем с'езде. Решено было издавать **свой журнал**·

Пробный номер появился в сентябре 1847 г. На первой странице его мы встречаем новый лозунг, принятый союзом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Этот классовый лозунг, резко подчеркивавший классовый характер нового союза, был предложен Марксом вместо старого, неопределенного лозунга: „Все люди—братья“.

Второй с'езд состоялся в ноябре—декабре 1847 г. После долгих прений были приняты новый устав и основные начала новой программы. Составление ее в виде особого манифеста было поручено Марксу, который использовал для своей работы и проект, составленный Энгельсом.

Маркс принялся за работу. Сознавая, что на нем лежала великая ответственность, что программа, которая должна была изложить впервые пред всем миром цели и задачи пролетариата, не могла быть написана «с пылу, с жару», он долго ее обрабатывал.

Центральный комитет союза, местопребыванием которого был выбран Лондон, в конце концов, потерял терпение и послал Марксу 26 января 1848 г. строгое напоминание, что если он не доставит манифеста, к 1 февраля, он должен отослать назад все предоставленные ему документы.

Маркс отослал манифест в феврале, и он немедленно был напечатан. Центральный комитет имел основания торопить Маркса. В январе уже начались сильные волнения в Италии, а 24 февраля разразилась революция в Париже (*Февральская революция*), за которой последовала революция в Вене и Берлине (*Мартовская революция*).

Но если манифест был опубликован слишком поздно, чтобы оказать влияние на подготовку революции 1848 г., то он все-же стал программой всего международного рабочего движения. На каких-нибудь 28-х страницах,—а столько их было в первом издании, напечатанном в рабочей типографии,—„Манифест“ давал борющемуся пролетариату верную и точную картину современного буржуазного общества и той борьбы классов, которая неизбежно развивается на его почве.

Манифест в сжатых, отчеканенных положениях изложил главные требования коммунистов и подверг уничтожающей критике возражения буржуазных ученых.

Манифест разобрал все разнообразные течения, которые существовали тогда среди социалистов и коммунистов. Он противопоставил им всем революционную программу нового пролетарского научного коммунизма.

Манифест дал пролетариату ключ к об'яснению прошлого и настоящего, он научил его разбираться в тех *материальных отношениях, тех условиях производства и распределения*, которые определяют собою все общественные и политические отношения, он дал ему в руки такое могучее орудие, *как материалистическое понимание истории*, он дал ему такую способность *предвидения будущего*, которым не обладал еще в истории ни один класс, боровшийся за свое освобождение.

В течении 75 лет, которые прошли со времени опубликования этой маленькой книжечки, в мире произошли глубочайшие примеры. Но в этом вихре событий Манифест устоял непоколебимо, как воздвигнутый на прочном граните высокий маяк, свет которого и теперь служит еще путеводной звездой мировому пролетариату.

НАУКА и ТЕХНИКА.

Радио.

Радио-телефон за последние годы проникает в самую толщу повседневной жизни, становится предметом обихода, такой же распространеной вещью, как, например, граммофон.

Особенно популярен радио-телефон в Америке. В Америке, в одних только Соединенных Штатах—до миллиона частных аппаратов, существуют особые агентства, поставляющие своими абонентам все—от последних политических новостей, пения и музыки, до сказок для убаюкивания детей — по радио-телефону.

В прошлом году американской организации „Морской Красный Крест“ пришла мысль использовать радио-телефон для медицинской помощи на расстоянии.

Дело в том, что множество морских судов не имеет своего врача на борту и в случае заболевания кого нибудь из команды в открытом море такое судно находится в беспомощном положении.

В самый короткий срок было устроено несколько радиостанций с постоянным (круг

лые сутки) дежурством врачей при них.

Сигналы вызовов этих станций утверждены правительством США и им предоставлены особые привилегии: право пользоваться наибольшей волной.

Таким образом, располагая небольшой аптечкой на борту судна, врач может оказать нужную помощь, находясь в несколких стах миль от больного.

Пароходные компании снабдили суда опытными сестрами милосердия, которые и исполняют все приказания врача по радиотелефону.

„Радио-Ньюс" собщает случай отравления рыбой всего экипажа торгового судна, бывшего в пятистах милях от Нью-Иорка.

Немедленно по радио был вызван врач, дежурный на радио станции, ему были сообщены признаки отравления, он сделал предписания, и весь экипаж был спасен.

Там описывается случай на рыболовном судне (триста миль к востоку от Нью-Иорка) в открытом море. Раненому случайно матросу понадобилось сделать ампутацию руки.

Дежурный врач приказал карабельному повару прокалить на огне кухонный нож и под диктовку врача повар произвел операцию матросу.

Это—первый случай хирургической операции, когда хирург находился на расстоянии трехсот миль от больного.

За последнее время было также несколько случаев помощи роженицам, припадочным и т. д.

Теперь врачи „Морского Креста" имеют огромную пракику в открытом море в зоне около тысячи верст.

Это стало настолько обыденным, что нервные американки запрашивают по радио-телефону врача по всяким пустякам, вроде того, что лучше принять от головной боли: аспирин или пиримидон, и правление Морского Креста вынуждено было об'яснить, что вывоз врача полагается только в экстренных случая, т. к. врачи стали сбиваться с ног (вернее—с шей), отвечая на бесчисленные вызовы.

Бор. Ол,

Проект электрофикации Бельгии.

Группа предприимчивых бельгийских инженеров разработала градиозный и крайне смелый проект использования водяной энергии единственной в Бельгии большой реки Мензе.

Полное использование водяной энергии реки по расчетам авторов проекта даст стране 1,830,000,000 киловат-часов электрической энергии в год, что соответствует экономии в 183 миллиона пудов каменного угля.

Выполнение всей работы обойдется в 5 миллиардов франков, включая сюда и приведение реки в судоходное состояние для пароходов в 5,000 тонн водоизмещения. Выполнение работы расчитано на 25 лет и будет стоит государству 2 проц. ежегодного бюджета в течение этого срока.

Аэроплан с 750 пуль в секунду.

Американец Ларсен построил аллюминиевый боевой аэроплан, несущий на себе вооружение в 30 пулеметов и бомбы. Жизненные части аэроплана забронированы, и он неуязвим для противника.

Проносясь над неприятелем со скоростью в 225 километров, этот «огненный дракон» может выбросить 3000 пуль в 4 секунды и забросать бомбами страшной разрушительной силы. На аэроплане имеется запас в 9000 партонов.

Вулкан возле Баку.

В 36-ти морских милях от Баку, в Каспийском море находится остров «Лост». Этот остров—вулканического происхождения.

В ночь на 8-е февраля, вулкан загудел, задымил; над островом появился столб огня, послышался подземный гул.

В 20 саженях от берега земля дала длинную трещину, из которой выходило пламя высотой до полутора аршина.

Выехавшая из Баку экспедиция насчитала 20 действующих кратеров.

Замечен под'ем береговой черты на 7 фут. высоты. Выбрасываемые глыбы грязи подымались на высоту до 350 сажен и, падая обратно, делали воронки в 2—3 сажени глубины. Выброшены породы из глубины до 1800 саж.

КНИЖНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

1. СТАТЬИ и ОБЗОРЫ.

С. Вольфсон.

Против идеализма.

Л. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма. Сборник статей. Государственное Издательство 1922 г. Стр. 239.

Вышедший под таким названием новый сборник Л. И. Аксельрод охватывает ряд статей, опубликованных в период с 1905 по 1914 г., и является как бы продолжением «философских очерков», принадлежащих перу того же автора*)

Ортодокс—закаленный боец за Марксову философию и старый знаменосец воинствующего материализма. Многие его статьи принадлежат лучшим местам в философской литературе марксизма—не только русской, но и международной. Огромная философская эрудиция, трезвый материалистический ум, непоколебимая стойкость в защите марксовой философии от всякого рода противоестественных сочетаний и противоматериалистических «исправлений», простая ясная и чеканная формулировка мыслей, время от времени озаряемая язвительной, иронической насмешкой,—все это позволяет поставить имя Ортодокса в ряду марксистов-философов непосредственно вслед за именем Г. В. Плеханова.

Вот почему следует приветствовать Государственное Издательство, собравшее статьи Ортодокса, разбросанные по различным журналам, и об'единившее их в одном сборнике.

Сборник направлен своим критическим острием против идеализма—по преимуществу против его современных (1905—1914) течений, претенциозно крикливых и модернизирующих отрупевшую идеалистическую догму.

Выступая против эпигонов идеализма и вскрывая об'ективную реакционность их концепций, Ортодокс в то же время отдает должное творцам великих идеалистических систем, законных и прогрессивных в свое время, но заводящих в тупой переулок внутренних противоречий и логической несостоятельности тех, кто их пытается возродить в наши дни.

Чувством глубокого преклонения перед проникновенным мыслителем и страстным борцом за истину проникнута, например, статья, посвященная Иоанну-Готлибу Фихте.

Ученик Канта, Фихте несравненно последовательней своего гениального учителя, система которого была для него лишь «тремя четвертями» истины. Он прочно и уверенно стоит на почве критического идеализма, отождествляющего суб'ективное и об'ективное мышление и бытие. Отправная точка Фихте—свобода и самосостоятельность человеческой личности. Эта свобода достигается лишь признанием бытия, зависящим от мышления, им определяемым, и мышления, определяемым самим собою. Только на этом пути—пути признания творцом мира абсолютного «я»—видит Фихте осуществление человеческой свободы.

При всем своем крайнем идеализме, при фетишизировании им абсолютного «я», Фихте никогда не бежал от реальной действительности,не трактовал ее с высоты своего суб'ективизма,а наоборот—неизменно звал к практическому действию в недрах этой самой действительности.

Вдохновенный апоялогет свободы, Фихте был одним из немногих философов, который в годы реставрационной реакции страстно и мужественно выступил в защиту революции.

«Основное содержание системы Фихте»,—говорит Ортодокс,—может считаться в наше время превзойденным совершенно и окончательно. Теория развития, проникая собою все решительно области человеческой мысли, положительная, точная наука, идущая вперед действительно гигантскими шагами и работающая следуя материалистическим методам положила конец идеалистическим спекуляциям» (стр. 53). Вот почему обречен на неудачу современные попытки возродить

---

*) Л. Аксельрод (Ортодокс). Против идеализма. Сборник статей. Государственное Издательство. Петроград 1922. Стр. 239.

христианство. Материалистические методы современного исследования заранее парализуют всякую попытку реставрации суб'ективного идеализма.

Преемственная связь, существующая между немецкой классической философией и диалектическим материализмом, охарактеризована в статье, посвященной 25-ти летию смерти Маркса. В статье выявлено, как Кант—при всем изумительном величии его системы—не в состоянии был вырваться из плена окостеневшей христианской догмы, противопоставляющей миру *сущего* мир *должного*, а Гегель своей всеразрушающей диалектикой изжил роковой кантов дуализм, но в свою очередь оказался не в состоянии освободиться из под власти суб'ективного идеализма. Лишь гений Маркса дал конкретное разрешение вопроса об отношении сущего к должному, существующего к мыслимому, действительности к идеалу.

Ортодокс дает надлежащую отповедь всем толкующим о скудости и убогости диалектического материализма об отсутствии у него «багажа», которым обладают солидные философские системы:

— Содержание диалектического материализма таково, что оно по существу не может быть изложено в полном законченном виде... Книга, в которой исторический материализм представлен в полном виде—это вся история культуры во всем ее об'еме и Маркс, открыв основу исторического движения, об'ективную двигательную силу, указал способ как следует читать эту великую книгу для того, чтобы постичь ее мудрое и сложное содержание. Сущность диалектического материализма заключается не столько в определении и развитии его формальных принципов, сколько в подходе к явлениям реальной жизни.

Всякому, кто твердит о сухости и мрачности марксистскаго миросозерцания, кто повторяет, что оно опустошает наш внутренний мир, уничтожая веру в идеалы и механически замыкая его в узкий круг материальных потребностей, можно с успехом рекомендовать прочтение статьи Ортодокса «Карл Маркс и религия». Он тогда увидит, насколько «тьма низких истин» марксизма способнее «возвышающего» мистического обмана вселить в человеке гордое сознание своего достоинства, чувство вдохновляющего и освобождающего личность. «Диалектический материализм об'единяет в своем всеоб'емлющем учении природу и историю, свободу и необходимость, теорию и практику, науку и жизнь, этику и политику. Его исходная точка—единство мира, его конечная цель—освобождение личности». Но чем марксизм может обогатить наши суб'ективные переживания, что он дает и что он сулит нашему духовному миру? Ортодокс отвечает решительно и гордо: «все, кроме обмана и призраков».

— Природа, история человечества, общественность, свободная наука, свободное искусство,—разве же все это не достаточные источники для полной, интенсивной, всесторонней духовной жизни, для творческой фантазии, для широкой захватывающей деятельности, для внутреннего созерцания, для проявления и развития высших нравственных начал и, наконец, для роста и культивирования чувства прекрасного? (стр. 78).

Марксизм, как цельное и стройное научное миросозерцание, связывающее законы природы с законами истории, вселяет в нас сознание нашего единства с мировым целым. Это чувство неразрывной связи со вселенной обусловливает способность человека работать, творить, создавать величественное и прекрасное.

Вот почему Ортодокс выступает например, против Овсянико-Куликовского, когда тот отнимает у марксизма его суб'ективный элемент превращая его тем самым в учебник по арифметике. Марксизм дает нам понимание единства действительности и таким образом внедряет в нас идеологию научного мировоззрения. Эта идеология ничего общего не имеет с идеологией *религиозной*, увлекающей нас в бездонную пропасть мистики. С *этой* идеологией марксизм ведет бой не на жизнь, а на смерть. Всякая попытка повенчать их—вредная и бессмысленная реакционная утопия.

Для Ортодокса диалектический материализм является целым миросозерцанием, обозначающим равным образом и материалистическое понимание *природы* и материалистическое понимание *истории*. Ортодокс всегда считал, что последовательный мыслитель свою идеалистическую или материалистическую концепцию обязан распространить и на область историческую и на сферу отношений между «я» и «не я». На защите этого положения Ортодокс останавливается и в статье «Теория стоимости и диалектический материализм»:

— ... Вычеркнем действительность природы и согласимся с идеалистами, что человек—не часть природы, а ее создатель, что бытие природы—не истинное бытие, а плод суб'ективного сознания или суб'ективных ощущений, сделаем это—и мы придем к непреложному, очевидному заключению, что от всей системы Маркса не останется ни одного атома (стр. 105).

— Научный социализм вытекает из

материалистического об'яснения истории и предполагает материалистическое об'яснение природы. Обще-философское мировоззрение Маркса и Энгельса несравненно шире материалистического взгляда на историю, составляющего часть их общего миросозерцания. По отношению к общим задачам познания исторический материализм играет методологическую роль.

Последняя мысль заслуживает быть особо подчеркнутой, ибо отрицание единого материалистического миросозерцания вплоть до наших дней является излюбленной тропинкой, по которой прогуливаются всякого рода «исправители» и «дополнители» Маркса, вырывающие пропасть между марксовой „натурфилософией“ и социологией марксизма (Макс Адлер, Форлендер, Кранольд, Штаудингер и др.).

Как на ценную и интересную попытку, следует указать на устанавливаемую Ортодоксом связь между теорией стоимости и диалектическим материализмом.

Открытие двойственного характера труда, ставшее для Маркса отправным пунктом при его политико-экономическом анализе, сделалось возможным лишь в связи с его гносеологическими воззрениями. Теория стоимости, взгляд на происхождение и развитие денег—результат диалектико-материалистического подхода к этим проблемам, сущность которых осталась грамотой за семью печатями для классической экономии.

— Теория стоимости представляет блестящий, классический образец диалетического мышления и неоспоримое подтверждение правильности и плодотворности этого метода. Теория стоимости и все ея зрения, представленные в «Капитале»--не логические абстракции, как это голословно утверждают буржуазные «критики», а на деле соответствуют действительной истории развития обмена и истории эквивалента. Метод, выведенный Марксом из разума действительности, дал ему острое оружие к пониманию действительности и проникновению во все ее скрытые формы (стр. 103).

Мы указали выше, с каким глубоким уважением говорит Ортодокс о творцах великих идеалистических систем, поднявших человеческую мысль на недосягаемые высоты. Но с тем большей беспощадностью она относится к выродившимся эпигонам идеализма, цепляющимся за превзойденные и отжившие истины, на которые они набрасывают мантию новизны:

— Идеалист никогда не был последователем: всемогущая властная действительность, шутя и издеваясь над ним, заставляла его отступать от занятых им позиций. И если великие идеалисты, творцы классической философии, были часто вынуждены изменять идеализму и становиться на конкретную материалистическую почву, впадая таким образом в непоследовательность и совершая самый страшный грех с точки зрения философского мышления, то идеалисты нашего времени являются прямо таки жалкими игрушками об'ективного хода вещей, выступившего в нашу эпоху с такой силой и такой яркостью, как никогда (стр. 106).

Если системы Фихте и Гегеля были пропитаны прогрессивным, даже революционным содержанием, если творцов классической философии воодушевляло желание неустанно и мужественно двигаться вперед, то современная философия жалко, беспомощно и скучно топчется на одном месте.

Характеристика, данная Ортодоксом в 1914 году эпигонам идеализма, с полным правом применима и к философским течениям наших дней, уходящим в темные пропасти мистики и теософии и в то же время лишенным намека на какую либо оригинальность. Об этих течениях можно вполне повторить злое слово Эдуарда Гартмана: «Это —не самостоятельное мышление, а повторительный курс».

Помещенная в Сборнике известная статья Ортодокса «О проблемах идеализма», вскрывающая реальное содержание идеальных устремлений бердяевско-булгаковской братии, на всех парах мчавшейся тогда (1905) от Маркса к богу, принадлежит к лучшим страницам полемической литературы русского марксизма.

Ортодокс показывает, как этические принципы глашатаев идеализма неизбежно приводят их к признанию сверхопытного нравственного миропорядка, устанавливаемого божеством к культу бого-человека, эмансипированного от власти к коллектива. Взяв от классических систем идеализма, их реакционные элементы, небесные представители земных русских либералов выступили с требованием ограничения народного суверенитета во имя свободы личности...

Зло и едко написана статья «Г. Бердяев и моя бабушка», отлично вскрывающая общественную ценность христианско-аскетических проповедей г.г. Булгаковых и Бердяевых, «лик которых обращен одной стороной к Бирже, а другой—к Голгофе».

Вторая часть Сборника статьи „Мещанский мистицизм“, «суб'ективный материализ» «Вещи в себе—не пустяки») посвящена критике эмпириокритизма. Она подвергает обстоятельному обзору эмпириокритическую теорию познания, показывает, как неустойчивы в ней материалистические элементы, и

как сильны в ней элементы суб'ективно-идеалистические. Хорошо подчеркнуто в статье и то обстоятельство, что «несмотря на внешние утонченные формы эмпириокритицизма, несмотря на гибкую софистическую аргументацию его представителей, это учение отражает в себе с изумительной отчетливостью и полнотой конкретную жизнь, духовную природу и идеалы мещанина.

Наряду с работами Плеханова и Ленина, статьи Ортодокса образуют то лучшее, что имеется в международной марксистской литературе по вопросам эмпириокритики.

Размер настоящей заметки не позволяет исчерпывающим образом указать на все то ценное, что имеется в сборнике, который от первой до последней страницы овеян творческой мощью марксизма, проникнут его безупречной логикой, пронизан диаликтической мыслью. Мы остановились лишь на том что на наш взгляд является наиболее существенным.

2. РЕЦЕНЗИИ.

Сочинения Плеханова.

Г. В. Плеханов. Сочинения. Том I. Предисловие Д. Рязанова. Государственное Издательство, М. 1923. Стр. 364.

Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Государственное Издательство. М. 1923. Стр. 247.

Г. В. Плеханов. Искусство. Сборник статей. Издательство «Новая Москва». М. 1923. Стр. 215.

Г. В. Плеханов. Литература и критика. Сборник статей. Том I. Изд. «Новая Москва». М. 1923. Стр. 372.

Г. В. Плеханов. В Амстердаме. Мысли и заметки о II Интернационале. Издат. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 48.

1923 год за два первых месяца принес ряд новых изданий сочинений Г. В. Плеханова, некоторые из которых уже давно ожидались марксистской Россией.

Раньше всего здесь следует назвать выход первого тома собрания сочинений Г. В., предпринятого Институтом Маркса и Энгельса под общей редакцией Д. Рязанова. План этого издания был в свое время опубликован, и теперь мы имеем уже возможность считать, что он осуществляется.

Вышедший из печати первый том охватывает народнический период литературной деятельности Г. В. В него входит почти все написанное Плехановым за время с 1878 до 1883 года, т. е. начиная первыми «пробами пера»—корреспонденциями из казачьих станиц, и кончая первыми выдержанными марксистскими статьями.

В основном, содержание тома совпадает с содержанием первой части первого тома сочинений Г. В., выпущенного в 1905 году в Женеве и переизданного Петроградским Госиздатом в 1920 г. Содержание женевского издания пополнено лишь некоторыми статьями, внутренне связанными с помещенными в женевском издании, но в нем отсутствовавшими: «Новое направление в области политической экономии» и «Экономическая теория Родбертуса-Ягецова». Тому предпослано небольшое предисловие Д. Рязанова, излагающее план издания и подчеркивающее, что «всякий русский марксист, не желающий быть Иваном Непомнящим, должен внимательно изучать сочинения Плеханова».

Отдельным выпуском изданы Госиздатом „Наши разногласия". Поскольку это произведение входит во второй том собрания сочинений, самостоятельное издание его является, на наш взгляд, излишним. Если уже издавать „Наши разногласия" отдельным выпуском, то необходимо было снабдить их соответствующими примечаниями и указаниями, которые помогли бы непосвященному читателю ориентироваться в этом замечательном памятнике находившейся русской марксистской мысли.

К сожалению, этого Госиздатом сделано не было и, благодаря этому, издание в известной степени потеряло смысл.

Издательством „Новая Москва" выпущено два сборника, один из которых содержит 5 статей Г. В., посвященных общим вопросам теории искусства, а другой—8 его литературно-критических очерков. Плеханов—самый выдающийся марксистский исследователь в области искусства, статьи

же его, разбросанные по различным журналам и собраниям, до последнего времени были мало доступными читателю. Вот почему следует приветствовать выпуск рассматриваемых сборников, дающих в руки читателя основной материал по вопросам марксистского «веществоведения». Первому сборнику предпосланы в виде предисловия статьи Аксельрода и Фризе об отношении Плеханова к искусству, напечатанные в свое время в плехановском номере журнала «Под знаменем марксизма».

Пятсе из выписанных выше названий—представляет собою брошюру, содержащую статьи Плеханова по вопросу об Амстердамском конгрессе II Интернационала. Амстердамский конгресс был моментом смертной схватки между оппортунистической и революционно-марксистской тенденцией в среде интернационала. Плеханов был одним из участников этой схватки,—страстным борцом за революционный марксизм. Статьи Г. В., относящиеся к этому моменту международного рабочего движения хранят переходящий интерес вплоть до наших дней. Вот почему мысль издать их отдельной брошюрой следует признать удачной. Статьи снабжены тонко составленными примечаниями Н. Н. Попова.

С.

Карл Маркс, — *революционер, мыслитель, человек.* Сборник под редакцией Д. Рязанова. Стр. 240. 1923 г. Издательство «Московский Рабочий».

Дать на 240 небольших страницах всеоб'емлющую характерастику К. Маркса чрезвычайно трудно. И все же тов. Рязанов блестяще справился со своей задачей. Из обширной литературы о К. Марксе в сборнике дано все наиболее яркое, что можно было включить в небольшой сборник.

Наряду с биографическими очерками Фр. Энгельса и дочери Маркса—Элеоноры Маркс даны блестящие характеристики Маркса, как ученого и революционера, принадлежащие перу виднейших марксистов: Плеханова, Меринга, Каутского и др. Дополняют сборник воспоминания и характеристики близких в свое время к Марксу лиц: Вильгельма Либкнехта, П. Лафарга и рабочего Фр. Леснера. В сборнике помещены также статьи т. т. Ленина и Рязанова.

Личность Маркса обрисована всесторонне и ярко. Каждый рабочий прочитавши сборник увидит сколько правды в клеветнических выпадах буржуазных «ученых» против великого вождя и учителя пролетариата и сколько правды в меньшевистских заявлениях о том, что большевики извратили учение Маркса. Образ непримиримого борца, ненавидящего и презирающего буржуазию и особенно тех, кто в рядах пролетариата творит ее дело,—вырисовывается с полной определенностью.

Каждый рабочий прочтет эту книжку с напряженным интересом. Даже читатель, знаклмый с предметом, найдет в ней материалы, появляющиеся впервые в печати.

Издана книжка очень хорошо, и содержит 6 иллюстраций, в том числе семейные фотографии Маркса, появляющиесл у нас впервые.

Л. Л.

«Крестьянские движения 1902 г.» (Новые материалы). Госиздат Москва—Петроград 1923 г. Сборник Госиздат.

Центроархивом издан первый выпуск из намеченных к изданию материалов по истории крестьянского движения в России XIX и XX столетий Данный сборник материалов почерпнут из архива сената и охватывает крестьянские движения в 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях, первое революционное выступление крестьянства в новейшее время—выступление почти стихийное, вызванное бесконечной нуждой и ужасающей эксплоатацией крестьянства. «Есть нечего, дайте хлеба, дети пухнут, наши отцы работают на панов, работаем и мы, а пропадем с голоду, никто нам не поможет»—таковы были заявления крестьян «бунтовщиков» во время волнений и на суде.

Книжка воскресает в нашей памяти недавнее прошлое; классическую царскую расправу с «взбунтовавшимися рабами» с применением массовой порки, насилованием женщин, воинских грабивших население, постоев, типы «патриотов» и новые типы крестьянских агитяторов и, наконец, бесконечную тупость администрации, которая в лице Лопухиных, Плеве и др. совершенно неспособна оказалась понять настоящие социальные и политические причины «бунта» и только искала крамольников.

Агитатору и пропагандисту книжка может дать много яркого материала для сопоставления прошлого с настоящим: -она также представляет интерес и для заурядного читателя—середняка, которому не мешает от поры до времени вспоминать о прошлом. дабы он не терял маштаба для правильной оценки настоящего.

Е. Кантор.

Г. Сафаров. «Национальный вопрос и пролетариат». Государственное издательство. Петроград 1922 г.

Наконец то, появилась книга, которая заполнит очень заметный пробел в нашей литературе по национальному вопросу. Надо вспомнить, что совсем еще недавно в национальной политике социал-демократии разных стран тон задавали О. Бауэр и Шпрингер, идеи и выводы которых составляли целую школу и даже были положены в основу программы некоторых партий („Бунда", еврейской социалистической партии, австрийской социал-демокр. рабочей партии и др.). Понадобилась империалистическая война и последовавшее за ней обострение классовой борьбы, чтобы открыть истинное лицо социал-патриотов, а вместе с тем и настоящую природу их национализма. Так называемая «культурная автономия», с которой так носились бундовцы и другие национальные партии, оказалась антимарксистской утопией или прикрашенной ширмой для прикрытия мелкобуржуазного национализма; а гордое и многовосхваляемое «право наций на самоопределение» на деле в Германии, России и др. превратилось в мещанский пацифизм или же смягченный империализм.

Революционный марксизм в лице т. т. Ленина, Сталина, Бухарина и других вождей, а теперь и Сафарова—острием своего анализа раскрыли перед нами истинную сущность нации и национализма, как явлений порожденных капиталистическими отношениями и долженствующих отмереть вместе с самим капиталистическим строем. Еще более важно то, что свое разрешение национального вопроса упомянутые авторы (и вожди нашей революции) строят исключительно на революционной борьбе и победе пролетариата.

Книга тов. Сафарова обо всем этом говорит с достаточной полнотой. К сожалению, в первой части некоторые главы излишне схематичны: также хотелось бы нам видеть более резко подчеркнутым понятие о текучести нации, как исторической категории, чего обычно также не хватает в большинстве работ, посвященных национальному вопросу.

Но эти незначительные недочеты книжки теряются среди ее богатого и нужного всякому политическому работнику и члену партии материала.

Мы горячо рекомендуем вниманию товарищей новую работу т. Сафарова.

Е. Кантор.

Федор Гладков. *Ватага.* Драматические сцены в 4 д. «Московский Рабочий», 1923.

«Ватага»—это каспийские рыбаки. брошенные на остров, почти оторванный от всего остального мира, и находящиеся в кровавой кабале, в рабстве у хозяина рыбного промысла Говорукина и его приспешника—Платового, «хозяйского кнута».

«Ватага»—это капиталистическая тюрьма, в которой люди заживо погребены чуть-ли не на всю жизнь, откуда вырвать тебя может или смерть или возмущение, бунт, бегство—всегда караемое.

Здесь теряют свой человеческий облик, «торчком стоят» под ударами Платовых, люди превращаются в пустую рыбью чешую; но отсюда не вырываются новые Стеньки Разины—Степаны Шаталовы,—которым нет удержу в революции. ...«Был я на ериках астраханских, по Каспию и Волге. Люд ватажный зовет вас: восстаньте! ватагами—тучами—к революции!.. Богачи, или мы? ...Мы! Вот с этими нашими руками, с страданьями нашими. Конец богачам—владыкам!.. Наше время, наша сила, наша правда под небесами»,—так говорит Шаталов, зовя ватагу к восстанию.

К числу недостатков нужно отнести некоторую разорванность действий, несомненно представляющую трудность при постановке. В таком виде „Ватага" вряд-ли может быть показана на сцене без соответствующих дополнений со стороны режиссера

С другой стороны, несмотря на несомненную революционность содержания пьесы, она не типична для времени перед революцией, к которому она относится. Но это уже зависит от положения «Ватаги» в общем производстве и ее роли в революционном движении.

Семен Родов.

———

Л. Митницкий. *Георгий Кнопкин.* (Повестушка) ВВРСМ 1923 стр. 44.

Маленькая повестушка Л. Митницкого прочтется красноармейцем с большим интересом. Что-то в высшей степени трогательное и наивное есть в похождениях «героя» Кнопкина, будто из театра марионеток выскочившего, кукольным шагом проходящего всю Россию, учащегося и поучающего своих товарищей. Своеобразное сочетание художественных и публицистических элементов позволило автору создать увлекательный примитив, красноармейский лубок. Если хотите, живой циркуляр. И от того, что циркуляр живет, живет и „рубаха парень" Ванька Кнопкин, и товарищи его, и все окружающее.

С. Оленев.

3. ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Книга—памятник Р. С. Ф. С. Р.

Под редакцией А. В. Луначарского и П. С. Когана Всероссийским Комитетом помощи больным и раненым красноармейцам подготовляется к печати исключительного значения издание под названием „*Современная Россия*". Как указано в роскошно изданном *проспекте*, „*Современная Россия*" „имеет своей основной задачей дать *показательную книгу России*. Эта книга, задуманная как большое художественное издание, должна представить достаточно и ярко те глубокие сдвиги и разнообразные достижения, которыми ознаменовано развитие России за пять лет Октябрьской революции, ее культуры и искусств, ее хозяйственной и политической организации, ее социальных, национальных и международных отношений.

„Современная Россия" расчитывает на мировое распространение. Книга будет издана на трех или четырех языках и особенно много усилий будет обращено на художественную сторону издания. В этом отношении книга расчитана на мировое внимание.

В части литературной „Современная Россия" строится, как ряд исчерпывающих и убеждающих, документально - веских, литературно-ярких статей. Эти статьи в совокупности обнимают всю полноту жизни современной России. Но в каждой отдельной стороне жизни, в каждом вопросе они выделяют новые, жизненные, определяющие черты, наиболее мощные, глубокие, подпочвенные процессы, выявившиеся в той или иной области. Таким образом они уясняют общее состояние и передают пульс РСФСР 1922—23 года.

В части художественной „Современная Россия" расчитывает на особенно крупные достижения.

„Современная Россия", помимо привлечения к постоянной художественно - технической работе нескольких крупных художников, ставит своей задачей дать образцы работ всех известных наших художников, а также начинающих талантов. При этом дать их не только в виде репродукций уже выполненных работ в отделах современной живописи, графики и т. п., но и в ряде работ, исполненных непосредственно для „Современной России" в виде заставок и концовок, рисунков к статьям, зарисовок, портретов и иных иллюстраций для описательной части книги.

Особенное значение издательство придает описательному отделу книги.

Задача издания в этой области заключается в том, чтобы при помощи всех средств современной графики: фотографии, художественно - иллюстрационного и художественно-полиграфического искусства показать успехи восстановления и развития советской промышленности.

В описательной части будут даны описания, снимки и зарисовки действующих фабрик и заводов, их устройства и оборудования, в особенности,—возникших на территории целого ряда заводов лабораторий, новых моделей, образцов продукции—в красках, культурно - просветительных учреждений при фабриках, домов-коммун и т. д. Большое внимание будет уделено изображению процессов производства—в части иллюстрационной, а в части чисто описательной—новым отношениям между администрацией и рабочими, роли фабрично-заводских комитетов, вообще, доминирующему положению рабочих на фабриках.

Описательный отдел имеет в виду и еще одну задачу, не менее важную: поощрение самих работников нашего восстановления. В этом отношении будет иметь немалое производственно-агитационное значение то, что в описательном отделе будут даваться портреты наиболее выдающихся или отличившихся деятелей промышленных успехов, красных директоров, инженеров, техников, рабочих-героев труда, ветеранов труда, старых и преданных мастеров и т. д.

Издание выходит под редакцией Народного Комиссара Просвещения А. В. Луначарского и проф. П. С. Когана, при ближайшем участии председателя В. С. Н. Х. П. А. Богданова.

В художественно-техническую редакцию входят: В. Н. Левитский, С. В. Чехонин и Э. Ф. Голлербах.

4. НОВЫЕ КНИГИ.

1. Философия.

Аксельрод Л. (Ортодокс).

1922—Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли. Сборник статей.

Аксельрод Л. (Ортодокс).

1923—Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. М. П.

Гельвеций.

1923—Истинный смысл системы природы. Пер. с франц. И. Луппола под ред. А. Деборина. М.

Засулич, В.

1923—Жан Жак-Руссо. Опыт характеристики его общественных идей.

2. Религия.

Браун, Вильям Монтгомери.

1923—Коммунизм и христианство. Исследование и противопоставление с точки зрения Марксизма и Дарвинизма. Авторизированный пер. Л. Грюнберга и И Плотникова с 7 (послед.) испр. и доп. автором англ. изд. «Прибой».

Древс, А.

1923—Миф о Христе. Перев. с нем. 3-го изд. под ред. и с пред. П. А. Красикова.

Кунов, Генрих.

1923—Возникновение религии и веры в бога. Пер. с пред. И. Степанова. 3-ье изд.

Титлинов, Б. В.

1923—Новая церковь П. М. 8о. Стр. 84+4 нен.

Фрумкина, М. (Эстер).

1923—Долой раввинов. (Очерк антирелигиозной борьбы среди еврейских масс).

Ярославский, Ем.

1923—Как родятся боги.

3. Общественные науки.

Беер, М.

1923—Современный английский социализм. Пер. с нем под ред. и с прим. В. Яроцкого.

Бухбиндер, Н. А.

1923—Материалы для истории еврейского рабочего движения в России. М. П. Гос. изд-во Вып. I. Материалы для биографического словаря участников еврейского рабочего движения.

Бэр, М.

1923—Карл Маркс, его жизнь и учение

Вебб, Сидней и Беатриса.

1923—История тред-юнионизма. Пер. под ред. В. Яроцкого с пересм. и дополн. Вып. I. Происхождение тред-юнионизма. Стр. 99+1 нен.

Иоффе, А. А. (В. Крымский).

1923—От Генуи до Гааги. Сборник статей.

Канатчиков С.

1923—На темы дня. (Страницы пролетарской идеологии).

Каутский, Карл.

1923—Собрание сочинений. Авторизованные переводы под общей ред. Д. Рязанова и И. Степанова. М. П. Гос. изд-во 8о. Том IV. Стр. 212+4 нен. Предшественники новейшего социализма. Том 2).

Каутский, К.

1923—Классовые интересы. Перевод с нем

Каутский, Карл.

1923—Путь к власти. Пер. с нем. под ред. Н. Л. Мещерякова.

Лозинсккй, С. Г. проф.

1923—История труда. Очерки по экономич. истории

Ленин, Н. (В. Ульянов).

1923—Собрание сочинений. П. М. Гос. изд-во 8о. Т. VIII 1907 г. М. 1923. Стр. 663+1 нен. Т. X Материализм и эмпириокритицизм М. П. 1923. Стр. 328 Т. XIV. Буржуазная революция 1917 г. Часть 1. Стр. 324.

Маркс, К. и Энгельс, Ф.

1923—Коммунистический манифест. С введением и прим. Д. Рязанова. 2-е доп. изд. М. П.

1923—На новых путях. Итоги новой экономической политики 1923—1922 г.

Поль, Вильям.

1923—Коммунизм и общество. Пер. с англ.

Розенталь, П. А.

1923—Борьба за колонии и мировые пути.

Рейснер, М. А. проф.

1923—Государство буржуазии и РСФСР.

Смушков, Вадим.

1923—Экономическая политика РСФСР. Учебное пособие для Совпартшкол.

Ческис, Л.

1923—Людвиг Фейербах—философ воинствующего материализма.

5. Естествознание и математика.

Беллюстин, В.

1923—Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики.

Завадовский, М. М.

1923—Пол животных и его превращение. (Механика развития пола).

Ньюкомб, Симон.

1923—Звезда. Под ред. проф. В. В. Серафимова.

6. Прикладные науки.

Амар, Жюль проф.

1922—Человеческая машина. Научные основы профессионального труда.

Словцов, Б. Н. проф.

1923—Питание и работа.

1923—Социальная гигиена. Сборник, выход. переодически под ред. кафедры социальн. гигиены Моск. Гос Университета. Вып. I.

9. История.

Буонарроти, Ф.

1923. Гракх Бабеф и заговор равных.

Витте, С. Ю. граф.

1923—Воспоминания. Царствование Николая

Дживилегов, А. К.

1923—Армия Великой Французской Революции и ее вожди. Исторический очерк.

Жорес, Жан.

1923—История конвента.

Каменев, Л. Б.

1923—Между двумя революциями. Сборник статей

Шашки.

Под редакцией А. П. КРУТОЛЕВИЧА.

В настоящем номере помещаем интересную тройную задачу (№№ 2-4) А. Н. Шмалько из Краснодара, за полное и правильное решение которой будут выданы призы.

Задача № 2. А. Н. Шмалько.

Белые—Дамки: a3, b6, c1, d6; простые: c7, e5, e1, g3, g1.

Черные—Дамки: b8; простая a5.—Запереть дамку черных с простой.

Задача № 3. А. Н. Шмалько. (Получается, когда перевернем шашечницу с предыдущим положением вверх ногами).

Белые—Дамки: b8, d8, e3, f8, g3, h6; простые: b6, d4, f2.

Черные—Дамка: g1; простая h4.—Запереть дамку черных с простой.

Задача № 4. А. Н. Шмалько на «поддавки».

Предыдущее положение (№ 3). Требуется запереть собственную (белую) дамку с простой.

Этюд № 3. П. А. Слезкина (Киев).

Белые—Дамки: g1, h6; простые: d4, e3.

Черные—Дамка h2; простые: d8, g3. —Выигрыш.

Партия № 2. «Косяк»

Играна в Доме раб. Просвещения 26 февраля 1923 г. в Минске. Белые—NN, черные—А. П. К.

1. c3-b4, b6-c5. 2. g3-f4, f6-g5 (Такое начало называется «косяком»). 3. b2-c3, g7-f6. 4. c3-d4, g5-h4. 5. d4 : b6, a7 : c5. 6. a1 b2, f6-g5 (ед. ход). 7. b2-c3, e7-f6! (ед. ход). 8. b4-a5, f8-g7. 9. c3-b4? (проигрышный ход. Следовало ходить 9. c3-d4), c7-b6! (начало известной комбинации). 10. a5 : e5, f6 : d4. 11. b4 : d6, d8-c7. 12. e3 : c5, g5 : e3. 13. f2 : d4, c7 : a1. Белые сдались.

Очерк истории шашечной игры.

Трудно сказать, как и где впервые появилась игра в шашки. Прототип ее мы видим в Египте за 1.600 лет до Р. Х. (могильники; доска Aneck Hat-Shepsa в Брит. музее; рисунок Рамзеса II в Medinet-Abou и др.). Первообразы шашечной игры мы находим также в Вавилоне и Греции, где изобретение ее «petteia») приписывали Паламеду (Гомер, «Одиссея», i, 107). Из Греции игра переходит в Рим под названием «latrunculi», т.-е. «бойцы». Здесь она пользуется громадным успехом (Calpurnius, «De laudo Pisonis»); ее восхваляет Сенека, как игру, «изощряющую тонкость соображения». В таком же почете были шашки и на Востоке, откуда они впоследствии переносятся в Россию и Испанию. Из Рима же игра перебрасывается в Англию и Скандинавские страны (исландская Сага Греттира Сильного в XI веке по Р. Х.). В середине XIV века игра в шашки известна всем европейским народам («The Encycl. Brit», г. VIII, 1910). В XVI и XVII вв. начинают появляться специальные трактаты о шашках (Антоніо Торквемады в Валенсии в 1547 г., Пьера Малле в Париже в 1668 г. и др.), а к концу XIX века мы насчитываем уже более 200 французских и английских изданий, посвященных целиком или частично шашечной игре.

Хроника. Шашечная жизнь в Минске все более и более развивается. Кроме клуба К. Маркса, шашечная секция открыта в клубе Профинтерна и в Доме работн. просвещения. В последнем недавно происходил интересный одно-дневный тамболо-турнир, в котором победителем вышел А. П. Крутолевич, давший после турнира сеанс одновременной игры с 12 партнерами (результаты: +9, —1, 2 ничьих). Такой же сеанс предполагается в клубе Профинтерна.

Турнир на звание чемпиона г. Минска 1922 г. в клубе К. Маркса закончился победой Б. П. Крутолевич (+26 из 28, не проиграв ни одной партии), на втором месте—А. П. Крутолевич (24 очка), на третьем — Касперский ($19^{1}/_{2}$ очков), на четвертом—Фельдман ($18^{1}/_{2}$ очков), 5-ом—Курдин (+18), 6-ом — Гордон (+$14^{1}/_{2}$), 7-ом—Ханчин. Приз за лучший результат с призерами научил Гезин.

№ 3. 12-IV-23.

ШАХМАТЫ.

Под редакцией Р. К. ШУКЕВИЧ-ТРЕТЬЯКОВА.

В Минск возвратился с германского курорта старейший местный игрок 1-ой категории д-р С. Д. Каминский. Еще в 1884 г. С. Д. считался в Киеве игроком 1-ой категории, играл с М. И. Чигориным и т. д. В Минске С. Д. играл случайно и «не помню, чтобы в прежние годы кому нибудь проигрывал», Не смотря на свою перегруженность общественной и партийной работой, С. Д. и теперь находит время успешно сражаться с новым поколением 1-ой категории.

— В турнире Центр. Дома Работников Просвещения (из 16 чел., для членов союза Рабпрос) 1-ый приз взял Р. Шукевич-Третьяков, 2-ой—Гр. Майзель, 3-ий И. Кремнев. 4-ый—С. Дубинский.

— 18 марта А. А. Касперский дал в шахматной секции клуба Профинтерна сеанс одновременной игры (+11 из 12).

20-го марта закончился турнир на чемпионат Центр. Евпартшколы 1 приз—Р. С. Рубинштейн (+10 из 10), 2-ой—И. Кремнев (+8), 3-й—Шейнин (+7), 4—5 призы поделили Менделевич и Левин.

— 31 марта на собрании членов всех шахматных секций гор. Минска (К. Маркса, Центр. Дома Раб. Просв., Профинтерна, Партшколы) избрано единое правление в составе:—Р. Шукевич-Третьяков, (председатель)—Р. Рубинштейн, (секретарь), А. А. Касперский (завед. турнирной частью), Гр. Майзель, Я. Фельдман.

— В среду $^{3}/_{4}$ в клубе К. Маркса состоялась торжественная раздача призов победителям турнира 2-ой категории 1-ой—Я. Фельдман, 2-ой—Х. Зайчик, 3-й—Рубинштейн, 4—5 А. Кремнев и А. Берман, 6-ой Л. Слоущер, 7-ой—С. Дубинский. Приз за лучший результат против призеров получил А. Костюкевич—на этом же собрании секция отблагодарила подарками уезжающего в Полтаву своего неутомимого секретаря—И. Кремнева.

— Из **Игумена**. Зам. зав. Апо Укома тов. И. Фридлянд сообщает, что сильнейший местный игрок, призер германских турниров, д-р Нисневич приступил к организации шахматного кружка.

— Из **Мозыря** зав. Апо Укома т. Р. Кугель нам сообщает, что при коммунистическом клубе имеется отдельная комната для шахматно-шашечной игры. По вечерам комната переполнена игроками. Особенно увлекаются шахматами. Есть подающие надежды ш-ты. Скоро начнется турнир.— Помимо «старых» шахматистов, в кружок ежедневно прибывают недавно научившиеся играть.— Предполагаем открыть шахматную секцию и при открывающемся клубе Упрофбюро.

Многим. Считая, что каждый шахматист следит за шахматными отделами центральных газет, читает шахматные журналы «Шахматный Листок» (Петроград) и «Шахматы» (Москва), мы даем в своем отделе хронику лишь местной жизни, печатаем партии и задачи, в русской шахматной печати еще не появлявшиеся.

В шахматной секции клуба К. Маркса продаются все последние новинки шахматной литературы на русском (Брошюра Н. Грекова «Матч Ласкер-Капатланка», последние №№ журналов «Шахматный Листок», «Шахматы») и немецком языках.

Партии.

№ 4. Гамбит Райса.

Следующая партия играна по переписке между шахматными клубами в Париже (Белый) и Марсели (Черный).

1. E2—E4 E7—E5, 2. f2—f4 E5 : f4, 3. Kg1—f3 g7—g5, 4. h2—h g5—g4, 5. Kf3—E5 Kg8—f6, 6. Cf1—c4 d7—d5, 7. E4 : d5 Cf8—d6, 8. 0—0.

Это начало игры называется: „гамбит Райса“ по имени американского миллионера-мецената, пожертвовавшего приз для этой партии. Лучше чем эта жертва было 8d2—d8.

8. Cd6 : E5, 9. Лf1—E1 Фd8—E7, 10. c2—c3 f4—f3, 11. d2—d4 Kf6—Kf6—E4!.

(Грозит f3—f2+), 12. ЛE1 : E4 CE5—h2+, 13. Kpg1 : h2 Фe7 : E4, 14. g2—g3 0—0, 15. Cc1—f4.

За пожертвованное „качество“ (Ладья против легкой фигуры) Белый имеет скорое развитие своих фигур и аттаку.

15. b7—b5!, 16. Cc4—d!

При 16. C : b5, Ca6, с обменом Слонов, Черный посредством ЛE8 проникнет на E2.

16. ФE4 : d5, 17. C3—c4! b5 : c4. 18. Kb1—c3 Фd5—b7, 19. Cd3—c2.

Все эти жертвы, ведущие к весьма сильным угрозам, рекомендованы были Д. Яновским, ведшим игру за Черного.

19. Фb7 : b2, 20. Фb7—b2!

Грозит C : h7+. Если 20. Kd5, то 20... Kc6, 20. Фb2 : a1, 21. Cf4—d6!!.

(Грозит. Фg5+. Напр. : 21.... f6?; 22. Фh6, Лf7; 23. C : h7+!. Л : h7; 24. Фf18[illegible], 21. Cc8—f5! 22. Cc2 : f5 Kb8—d7!, 23. Cf5 : d7 Kpg8—h8! 24. Cd6 : f8 Лa8 : f8, 25. Фd7 : g4.

Черный вынужден был все с лихвой пожертвовать обратно, чтобы путем угрозы Фa1—b2+—g2[illegible] удержать белого Ферзя от экспедиции на g5 или h6.

25. Лf8—b8, 26. Kc3—d1 c4—c3!

Если 27. Ф : c3?, то 27.... Ф : a2+ и Фg2+ 27. Фd2—c2 Фd1—b1!!

Если 28. Ф : b1 ?, Л : b1, то либо пешка c3 либо пешка f3 явно пройдет в ферзи.

28. Cg4—f5! Фb1 : c2+, 29. Cf5 : c2 Лb8—E8, 30. Kd1 : c3 ЛE8—E2+ !, 31. Kc3 : E2 f3 : E2. Сдался.

Ибо E2—E1 Ф нельзя предовратить. Это—одна из самых блестящих, когда либо игранных партий!

Окончание партии № 2.

В игранной в Голландии партии между др. Франкелем (белые)—Шпейером (черные) в положении Белые: Кр g1, Ф c2, Л b1, Л e1, К h2, пп : a2, b3, c4, f2, g2, h3 („(, Черные : Кр g8, Ф c7, Л e8, С d4, К f4, п : a7, b7, c6, e2. f7, g6, h7 (12). Получилось следующее интересное окончание:

1. К h2—f3, К f4 : h3×2 Кр g1—h1, К h3 : f2+3 Кр h1—g1, К f2—g4+4 Кр g1—h1, Ф c7—h2+5 К f3 : h2, К g4—f2+6 Кр h1—g1, К f2—e4+7, Кр g1—h1, К e4—g3+мат.

К нашим корреспондентам.

Просим одновременно с новостями местной шахматной жизни присылать также партии, концы игр, задачи местных игроков и композиторов.

Партии турнира на чемпионат Минска 1922 г.

№ 5. Дебют ферзевых пешек.

А. Касперский—Г. Рейман.

1. d4, d5, 2. Kf3, e6 3. c4, c6 4. Kc3, Kf6, 5. Cg5, Kbd7 6. e3, Фa5 7. Фb3, Ke4 8. Cf4, Cb4 9. Лc1, 0—0 10. Cd3, f5 11. 0—0, Kph8 12. C : e4, fe4 13. Ke5, Ce7 14. c5, Фd8 15 f3, ef3 16 Л : f3, К : e5 17 c : e5, Л : f3 18. gf3, C : c5 19. К : d5, ed5 20. Л : c5, Фg5+21. Кр f2, Фg6 22. Лc1, Cg4? (никаких выгод черным это пожертвование не дает) 23. fg4, Лf8+24. Kpg1, Ф : g4+ 25. Cg3, Фf3 26. Фd3, Лe8 27. Лf1, Фh5 28. e4! de4 29. Ф : e4, h6 30. Фf5, g5 31. Фf7 черные сдались.

№ 5. Дебют 3-х коней.

Р. Шукевич-Третьяков—Л. Майзель

1. e4, e5 2. Kf3, Kb8,—Kc6 3. Kc3, Cc5 4. Cb5 d6 5. 0—0, cd7 6. d3, Kd4 7. C : d7, Ф : d7 8. К : d4, C : d4 9. Ke2, Cb6 10. Kph1, 0—0—0 11. Kg3, Ke7 12. a4, a6 13. a5, Cc6 14. c3, f5 15. b4, Ca7 16. Cg5, f4? 17. Kd5, Лde8 18. K : e7+ Л : e7 19. C : e7, Ф : e7 20. Фa4, Фh4 21. f3 !, g5 22. b5, g4 23. ba6, gf3 24. ab7+, Kpb8 25. Л : f3, Лg8 26. Фd7, Фg5 ! 27. Фh3, Кр : b7 28. a6+, Kpc6 29. Лab1, h5 30. Лb7, cb6 31. d4!, ed4 32. cd4, c : d4 33. Лf1 (гроая Лfb1, Лb7—b2 и Лc2+), Фe5 (сильнее Ce3) 34. Лc1+, Cc5 35. Фd3, Фg7 (зевок. но и после Kpd7, Фb5 + и Л : c7 белые легко выигрывают) 36. Фb5+

№ 7. Венская партия.

А. Штенгер—Майзель Гр.

1. e4, e5 2. Kc3, Kf6 3. f4, d5 4. fe5, К : e4 5. Kf3, Cg4 6. Фe2, К : c3 7. bc3, Ce7 8. d4, 0—0 9. Лb1, b6 10. g3, f6 11. e6, Фc8 12. h3? C : f3 13. Ф : f3, Ф : e6+14. Kpf2, Kd7 15. Cd3, c6 16. Cf5, Фд6 17. Cf4, Ke5 18. de5, fe5 19. Фg4 ef4 20. Лbe1, Фc5+21. Kpg2, fg3 22. Лhf1. Лf6 23. Лf3, Лaf8 24. Л : g3, g6 25. Лe6, Л : e6 26. C : e6+, Kpg7 27. Фd4+, Ф : d4 28. cd4, Лf6 29. Cg4. Cd6 30. Лc3, c5 31. de5, bc5 32. Лa3, Cb8 33. Лa5, Лc6 34. Cf3, Kpf6 35. C : d5, Лc8 36. c4, Kpe5 37. Лb5, Cd6 38. a4, Лe7 39. a5, Kpd4 40. a6, h6 41. Kpf3, Лe7 42. Лb7, Л : b7 43. ab7, a5 44. Kpe2, Kpc3 45. Kpe1, Cf4 46. Белые сдались.

——

Задача № 4, Фр Матушека.

Белые: Кр b3, Фb1, Лe5, Cd5, Cd8, Kb7, kh3, п : d2, f2, f6.
Черные: Кр d4, Фh7, Лg4, Лg6, Ke8, Kg2' п : c3, e6, g3, g7, h4 (11).

Мат в 3 хода.

Задача № 5, И. Дрнэк'а.

Белые: Кр b2, Фh5, Ke6, пe2, f2 (5).
Черные: Kpe4, Cb1, Kb5, пa7, h6 (5).

Мат в 3 хода.

Задача № 6.

Белые: Кр e6, Фh3, п : b3, h2 (4).
Черные: Кр e8, Лh8, п : g7, h7 (4).
Мат в 2 хода. Однако, черные еще не рокировали.

Решение задач.

№ 1.—1. Фb1, g6, Лa4 : b4 2. Ke5—c6+;1... a6 : b5 2 Лh5—h4 (с угрозой Фe4 или Фd6+); 1... Kg1—f3 (или Kg1+) 2. Фg6—f7+; 1.. Kc7—c6 (или Ke8) 2. Фg6 : e6×(или Фe6+). Побочные реш : I. 1ф q1—q3+, Kpd5 — e4 2. Фb3 — c4+; II. 1 Kc5—b7+Кр d5—c6 2 Лh5—c5+.

№ 2.—1. Kc6—d4, Лc4—c3—3 2. Фc8—e6, f7 : e6 3. Kd4 : e6 + 1... A) e3—e2 2. Kd6 : c4, Kc5 : d4 3, Cc7—e5 + 1... B) Kc5 : d4 2. Cc7—b6, Kd—b5 3. Kd6 : c4 + 1... C) d3—d2 2. Фc8—d8 и т. д. 1... D) e7 : d6 2. Cc7—d8 и т. д. E) 1...f4—f3 (Лc4 : d4) 2. 2 Cc7—b8+ и т. д.

№ 3—1. Cc4—f1, ch2—g3 2. Cf1—d3+, Kpf5—c4 3. Фh6—h5+, Kpg4 : h5. Ycd3—f2+; (3...Kpg4—g4, 4 Ce7—g5+) 2... e5—e4 3 Фh6—g6+, [illegible] 4. Фg6 : e4+; 1... A) e5—e4 2. Cf1—h3+, Kpf5—e5 3. Фh6—f6+, Kpe5--d5. 4. Ch3—e6+; 1... B) [illegible] 2.. Cf1—g2 e5—e4 (+) 3. Фh6—f6+, Kpf5—g4 4. Фf6—g5+ Побочное решение: 1 Cc4—d3+, e5—e4 2 C d3—e2 и т. д. 1. A) Kpf5—g4 2 Cd3—e4+.

Решение этюда № 1.

1. Kg3—e2+, Kpd4 : e5 (если Kpd4 e5 или e4, то 2 Фc6+, Kpb4, т. к. на Kpb3 последует Kc1+, 3 Фb6+ Кр+4 Ф : b3 Кр : b3 5 e6 и выигр.) 2 Фa8—a1+. Kpe5—e4 (иначе програв. ферзь) 3. Фa1—h1+, Kpe4—e5 4. Фh1—h8+, Kpe5—e4 5 Фh8—h4+, Kpe4—e5 (на Kpd5, 6Фd4+) 6 Фh4—e7+ и выигр. ферзя.

Предлагается всем участникам затянувшегося турнира на чемпионат гор. Минска 1922 доиграть несыгранные 12 партии в намеченные Бюро дни.

В случае неявки кого либо из участников, партия засчитывается ему проигранной. В случае неявки обоих противников—проигранной обоими.

Бюро шахматной секции.

Главлитбел № 1115 —(12.000)— Минск. „Белтрестпечать". 1-я Советская Типография.

00000002262778

